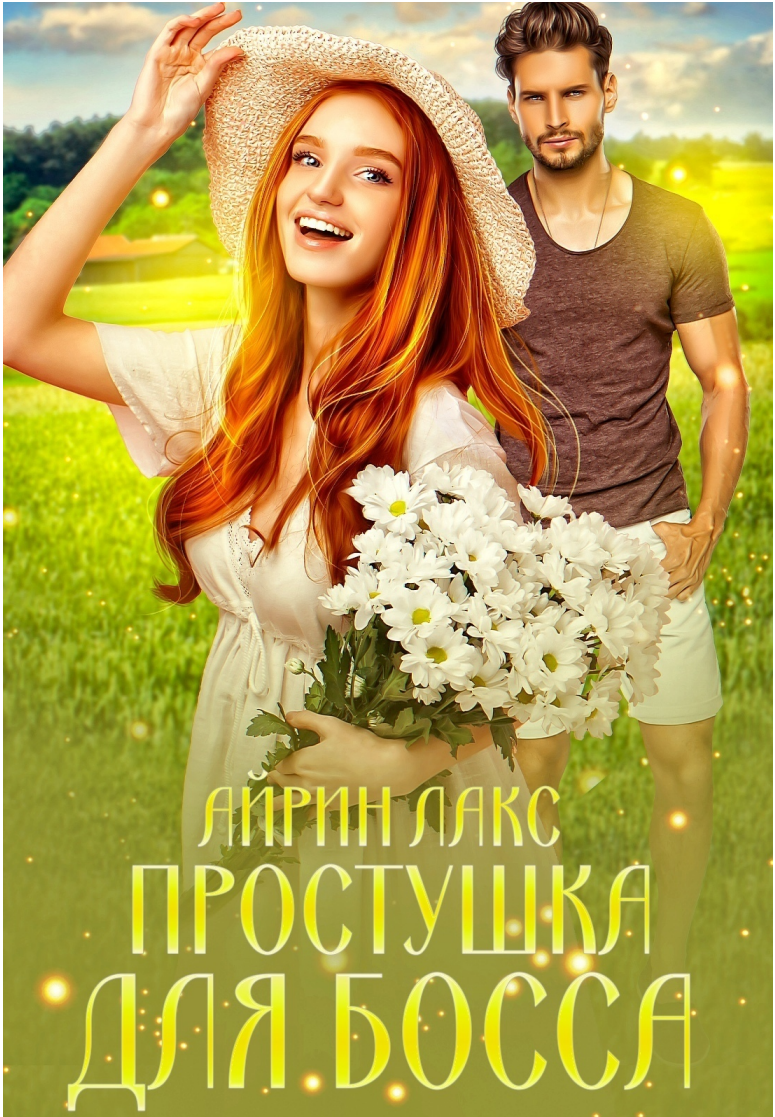
Айрин Лакс
Простушка для босса

Айрин Лакс

Простушка для босса

Серия «Мой властный босс»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094395

Аннотация

Я всего лишь хотела привлечь внимание жениха и добавила ему в напиток кое-какое средство.

Незабываемая ночь… все же случилась! Но вот беда – мужчина оказался не тот.

Как назло, моим любовником оказался босс – роскошный, сексуальный, обаятельный и… циничный до мозга костей.

Он не верит в любовь с первого взгляда.

И ой, что будет, если он узнает о настоящих причинах внезапно вспыхнувшего влечения к обычной простушке!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 16
Глава 3 28
Глава 4 39
Глава 5 50
Глава 6 62
Глава 7 74
Глава 8 88
Глава 9 100
Глава 10 111
Глава 11 124
Глава 12 136
Конец ознакомительного фрагмента. 138

Айрин Лакс
Простушка для босса

Глава 1

Ульяна

– Ты уверена, что это средство сработает? – спросила я, едва дыша от неприятного запаха. – Нетрадиционно как-то, – засомневалась.

Стоило ли травить любимого якобы приворотным зельем?!

– Сработает! – убежденно заявила подруга. – Лей давай! Дашь выпить своему Коленьке, и он мигом забудет про ту выдру бухгалтершу! Захочет тебя, интим будет незабываемым!

– Лена, но оно… воняет! – зашептала. – Воняет даже хуже, чем в мужской раздевалке, а я знаю, о чем говорю, потому что полгода подрабатывала уборщицей в спортивном центре.

– Уля! Ты хочешь вернуть жениха или нет?

– Хочу, конечно! Мы с Колей давно обручены, и если бы не эта разлучница… Конечно, Коля все отрицает, но я вижу, как он смотрит в ее декольте, как часто задерживается

с ней якобы помочь с отчетами. Мы совсем-совсем не занимались… Ну ты, поняла. Не было у нас таких близких моментов! – мои губы обиженно задрожали. – Мы даже ни разу не переспали!

– Ни разу? – уточнила подруга.

– Ни разу.

– Тем более, не робей! Лей приворотное зелье! Выпьет Коля, мигом забудет про старую мымру, прибежит к тебе и примется за дело. Гарантированно наградит сразу двумя ребятишками!

– Ох!

От такого обещания подруги ноги предательски подкосились в коленях и задрожали. Очень уж хотелось перейти к главному процессу, весьма приятному, по отзывам подруги.

Я родом из провинции, село Лютиково, дальней области. Мой жених – Коля – тоже родом оттуда.

О нашей свадьбе родители договорились еще со школьной скамьи и обручили нас перед тем, как отправить на учебу в столицу. Казалось бы, вдали от родительского взгляда наши отношения должны были развиться стремительно, но за несколько лет учебы между нами так ничего и не случилось! Только крепкие объятия и поцелуи…

После окончания практики Коля устроился в крутую клинику, в отдел бухгалтерии, и я пошла следом за ним. Только у него за плечами был универ, а у меня – лишь колледж, поэтому Колю взяли помощником главной бухгалтерши, а ме-

ня – ассистенткой для всего отдела администрации, то есть девочкой на побегушках, курьером.

В последнее время я начала подозревать дурное за своим женихом: он как будто стеснялся меня, что ли? Демонстративно отдалялся на работе. Поначалу я не придала этому значения, но потом поймала Колю в запретной близости от Алевтины Гавриловны – бухгалтерши сорока пяти лет. Как говорят в деревне, в сорок пять – баба ягодка опять. Ягодка из Алевтины получилась знойная, с обликом женщины-вамп, охотницы за мужской силой молодых парней!

Николай совсем перестал обращать на меня внимание, я почти отчаялась. Но подруга Лена посоветовала обратиться к знахарке, даже телефончик дала и адрес.

Поначалу я сомневалась… Хоть и жила в селе, где водилась своя бабка-знахарка, но то дело – близкий человек. Я не понаслышке знала, что знахарка из нашего села любые хвори могла вылечить! Здесь же, в столице, шарлатаны были на каждом шагу.

Сомневалась я долго, пока не увидела, как Коленька подсаживал Алевтину в ее роскошную Тойоту и долго вздыхал, томно целуя руку. Чуть ли не всю ладонь вылизал, как пес, а потом… ширинку странно одергивал!

В общем, я решилась! Сходила к знахарке, купила приворотное зелье, осталось только выпить самой и любимого напоить, и он мигом бы обратил на меня внимание.

Вот только одна беда.

Зелье жутко воняло. Смердело…

– Леночка, я не смогу! – прошептала я. – Зелье ужасно вонючее, аж в слезу прошибает.

– Тогда возвращайся в село опозоренной, и там тебя больше никто в жены не возьмет! – строго заявила подруга. – Все давно уверены, что ты с Коленькой много раз и в разных позах побывала!

– Не хочу в Лютиково. Там устойчивый интернет только в конторе у начальника!

– У мэра села, что ли? Голову не морочь, свари кофе покрепче, оно все запахи перебьет!

– Лен…

– А?

– Кофе – мужского рода, не среднего.

– Улечка моя, будешь спорить, не видать тебе мужчину как своих ушей без зеркала!

Я решила больше не спорить, сварила кофе – такой крепкий, что от одного запаха мысли стали ясными, прозрачными и звонкими, как лучший хрусталь.

– Итак…

Я влила в чашку свою дозу зелья и выпила залпом. Горький, неподслащенный кофе… С трудом проглотила напиток, обжегший рот!

На какие жертвы только не пойдешь ради любви! Влив во вторую чашку зелье тонкой струйкой, я перемешала столько раз, сколько посоветовала знахарка и начала приговаривать

себе под нос заклинание.

– Милый мой, ко мне вернись, – были заключительные слова и…

Бу-бух!

Дверь комнаты для перекуса отворилась так резко, что влетела в стену, а вместе с ней в обеденную комнату ввалился мужчина.

– Гаврилна, ты какого хрена Сидоренко две лишних смены на выходных посчитала? Не работал он в эти дни! – заявил прямо с порога. – Вертай все обратно! В моей клинике жопорукие халявщики не будут получать наравне с трудягами!

Я мгновенно узнала в пришедшем директора частной клиники и, по совместительству, звездного хирурга – Платонова Андрея Викторовича. Взрослый мужчина, но очень привлекательный. Не зря все девочки по нему сохли, а еще говорили, что не было в клинике такой медсестры, которую бы Платонов не провернул на причинном месте.

Высокий рост, широкие плечи, загорелое лицо и потрясающие золотисто-русые волосы. Уверенная улыбка, голубые глаза – словом, лицо с обложки или с голливудских фильмов. Даже очки его не портили! Тем более, что очки он носил для строгости, а не для зрения.

Он обвел пристальным взглядом обеденную комнатку бухгалтерии.

– Так-так… Где Гаврилна? – поинтересовался врач и све-

рился с часами на запястье.

– Её нет, – пискнула я. – В налоговую уехала.

– А ты кто?

– Помощница администрации, и я тут… прибираю, – шепнула совсем тихо.

Я оторопела.

Во-первых, в близости такого красивого мужчины всегда испытываешь себя очень неловко. В особенности, я – рыжеволосая простушка с конопатым лицом и обычном трикотажном платье.

Во-вторых, босс выглядел взвинченным и его взгляд метал молнии.

В-третьих, я ни разу не была так близка от него, всегда смотрела на расстоянии, а вблизи… Мамочки, у меня даже голова закружилась – настолько идеальным выглядел господин Платонов. Почти нереальный, космически прекрасный!

– Значит, Гаврилны нет. Но хоть кофе тут есть, да? Я после суток дежурства и мне позарез нужен кофе! – произнес он зычным голосом и принюхался. – Что это у тебя там в кружке? Кофе? Давай сюда!

Платонов посмотрел в мою сторону таким взглядом. Словно стрельнул в грудь сжатым воздухом! Легкие совсем сжались, стало нечем дышать.

Я прислонилась попой к столу. Чашка предательски задрожала на бирюзовом блюдце, но я не могла перестать помешивать напиток, смешанный с зельем. Меня словно за-

клинило!

– Ага! – потер ладони босс, обратив взгляд на кофе. – Вот и он! Мой напиток! Мой эликсир пробуждения. Дай его мне, конопатая!

Платонов царским взмахом ладони пригласил меня к себе.

– Кофе! – приказал он.

– Я… – замялась, не зная, как выкрутиться. – Давайте я вам другой кофе сделаю!

– А чем этот плох?

Платонов повел носом.

– Пахнет бодряще, есть какие-то новые, терпкие нотки. Наверное, это тот самый особенный сорт аргентинского кофе, который обещала раздобывать моя секретарша!

Неизвестно, откуда у меня набралась смелость, чтобы возразить:

– Так пусть вам Вита Сергеевна раздобудет и сварит *тот самый* кофе.

– Если бы! – усмехнулся босс. – Сегодня Вита отсутствует, беда с ней приключилась на крыльце перед входом в клинику. На ровном месте ногу подвернула, лабутен ей в зад! – ругнулся. – Дай сюда кофе.

– Но он может быть не настолько хорош, как вы думаете!

Я пыталась переубедить господина Платонова и вцепилась мертвой хваткой в блюдце, на котором стоял мой последний шанс вернуть любимого.

Последний – потому что на это долбаное приворотное средство я потратила все свои сбережения в размере пятидесяти семи тысяч рублей. Мне сделали скидку пять процентов, как новому клиенту, не то пришлось бы все шестьдесят тысяч отдать!

Очевидно, босса настолько сильно замучила жажда и головная боль, что он шагнул ко мне, нагло отобрал чашечку и сделал глоток.

Большущий глоток!

Словно во сне я наблюдала, как дернулся кадык Платонова, а глаза на миг прикрылись. Пушистые, светлые ресницы начальника золотились в свете офисных ламп, а на их кончиках выплясывали радужные искорки.

Ах, как красиво…

– Кхе… Мда… Вкус, конечно, странноват. Но ничего, есть у меня одно средство! Им любое дерьмецо полирнуть можно и получится как амброзия! – заверил мужчина.

Платонов подмигнул мне и левой рукой достал из пиджака фляжку! Что он творит? Босс поставил чашечку на стол, отвинтил крышку на фляжке и щедро булькнул в кофе коричневый напиток. В воздухе запахло спиртным.

Босс влил больше половины чашечки и осушил ее одним махом.

– Другое дело! – прищелкнул языком.

Я заглянула в чашечку, лелея надежду, что красивый, но наглый троглодит хоть капельку… хоть капелюшечку оста-

вил! Но там сверкало пустое донышко. Платонов выпил кофе. Весь кофе с приворотным зельем!

– Ой, что будет… – пролепетала я.

Мысленно я рыдала в полный голос, проклинала судьбу-злодейку и наглого босса. Платонов выпил мой шанс на возрождение любви и выглядел, как ни в чем не бывало.

Босс не спешил покидать обеденную зону, оперся задом о стол, выбрал из вазы два апельсина и принялся их ощупывать.

– Помощница администрации, значит.

– Да, – я едва не рыдала.

– Странно, что я тебя раньше не видел.

– А я… Я постоянно делами занята была.

– Какими же?

– Бегаю по разным поручениям! – зажмурилась, чтобы сдержать слезы.

– Девочка на побегушках, значит! А что это ты себе под нос бормотала, когда кофе помешивала? – поинтересовался Платонов.

– Колдовала я! – всхлипнула и отозвалась совсем безнадежным тоном, наплевав на то, что за невежливость меня даже с должности девочки на побегушках могут уволить.

Плевать…

К черту карьеру, когда я лишилась самого главного – Любви.

– Колдовала? – переспросил босс. – Ведьма, что ли? Ни-

когда их в живую не видел! Зеленоглазая хоть?

Платонов отложил апельсины в сторону и внезапно дернул меня за запястье на себя. От неожиданности я совсем потеряла равновесие и не удержалась на ногах, полетела прямиком в босса.

Мои ладони легли на широкую мускулистую грудь, а ладони Платонова проворно переместились на мою талию. Начальник наклонился, приблизился к моему лицу близко-близко.

– Не повезло. Голубые глаза, – поставил вердикт спустя минуту.

Или даже больше? Эту минуту я совсем не дышала, только слушала, как грохотало мое сердце.

Объятия босса волновали меня неожиданно сильно. Странное чувство затопило изнутри, ниже пупка начало что-то сжиматься и пульсировать сладко, а во рту совсем пересохло.

– Да, голубые, – подтвердила я.

– Как тебя зовут? – спросил строгим тоном Платонов.

– Семенова Ульяна.

Однако в его льдистых глазах поблескивали такие озорные огоньки, что страх перед строгим боссом и звездным хирургом начал таять, пока совсем не растворился.

– Ни разу тебя не видел! – снова повторил Платонов, словно не мог перестать удивляться, что мимо его внимательного взора кто-то смог проскользнуть. – И давно ты на меня

работаешь?

– Полгода.

– Полгода, – повторил. – И как успехи?

– Делаю, что прикажет Алевтина Гавриловна, Вита Сергеевна или любые другие сотрудники. На меня не жалуются! – добавила поспешно. – Все довольны.

– Если на тебя никто не жаловался, значит, справляешься ты неплохо… – задумчиво произнес босс. – С работой Виты знакома?

– В общих чертах знакома.

– Английский?

– Разговорный.

– Память?

– Не фотографическая, но информацию усваиваю быстро.

– Хм…

После этого «хм» босс оглядел меня еще раз пристально с головы до ног.

– Скажи-ка мне вот еще что, Семенова Ульяна.

Платонов сделал одно движение вперед.

Совсем крошечное, но при этом его нос почти коснулся моего, а губы приоткрылись. Полные, красивые губы смотрелись как сочный плод, который хотелось попробовать – куснуть, лизнуть, подержать во рту и подразнить языком.

Я знала кое-что о поцелуях, мы с Колей иногда целовались. Но стоило мне подумать о поцелуях с Платоновым, как в груди разгорелся пожар, а в мыслях замелькали очень

неприличные картинки. Между ног запульсировало.

Внезапно вспыхнувшее влечение к мужчине было одуряюще сильным.

Мне показалось, что Платонов меня поцелует.

Глава 2

Ульяна

Наверное, это произошло бы – черт знает каким фантастическим образом – если бы не мой разум, пискнувший в последний момент, что целоваться с Платоновым никак нельзя!

Иначе наш поцелуй запустит необратимую реакцию и зелье сработает. Поэтому я успела повернуться щекой, а губы Платонова ткнулись мне в ушко:

– Какой у тебя размер, Семенова?

– Ч-ч-что?

– Размер! – настойчиво повторил Платонов, скользя губами по уху.

От его жаркого шепота мурашки расползлись по телу приятной волной.

– Р-р-размер ноги?

– Размер всего. Впрочем, не отвечай. Я сам проверю! – многозначительно пообещал босс и шмякнул обе ладони на мой зад, сжав его хорошенько.

– Ах! – выдала я возмущенно. – Что вы творите?

– Так, тут все ясно! – ответил невозмутимо. – А с молоч-

ными железами у нас что?!

При этих словах босс переместил ладони на мою грудь и беспардонно сжал пальцами.

– Не может быть! – хмыкнул недоверчиво и прошелся вверх и вниз, крепко, по-мужски исследуя тело. – Неужели тебе есть чем похвастаться, а сразу так и не скажешь! Лифчик неудачный, что ли?!

– Хватит! – выдохнула я, едва держась на ногах.

Я покачнулась и совсем размякла от собственнических касаний, а надо было залепить ему пощечину!

– Гут! Зер гут! – одобрительно кивнул босс и присел на корточки, потянул мою ногу на себя.

При этом мне пришлось схватиться за его голову, чтобы устоять на ногах.

– Тридцать седьмой размер! – констатировал босс, повернув мою ступню. – Тридцать седьмой размер и трусы-парашюты в горошек! – хмыкнул, заглянув под платье.

– Хватит!

Платонов тем временем выпрямился и забросил на плечо руку, по-товарищески, как будто, но при этом его губы скользнули по скуле и снова зашептали.

– Признайся, Семенова…

– В чем?

– Можешь мне во всех постыдных грехах признаться, сегодня я добрый, все грехи отпущу! – ухмыльнулся. – Но сейчас меня интересует другое. Ты машину водить умеешь?

– Машину? Какую?

– Обыкновенную. Легковую. Седан. Мерс, если быть точным.

– Я… Я в деревне трактор водила иногда, когда наш дядь Митяй напивался до… до неприличного состояния.

– Мерс не трактор, конечно! – призадумался босс.

– Волгу тоже водила, мне доверяли.

– Мерс подороже Волги будет. Так что водить придется аккуратнее!

– Но почему я?

– Потому! Сегодня день на календаре какой? Пятница. Скоро третье воскресенье июня. День медика! Все уже празднуют…

– Аааx! – из головы вылетело, поэтому в клинике все такие веселые. – Простите! С грядущим праздником вас, Андрей Викторович.

– Угу! Мне нужно в аэропорт, деда встретить.

– Ааа… Постойте, но зачем вам я? – пролепетала, пытаясь слишком сильно не пялиться на мужчину.

Но не получалось.

Он казался мне красивым, и чем дольше я на него смотрела, тем красивее он становился. Мне даже родинка на виске Платонова начала казаться безумно сексуальной, хотелось ее облизнуть: что за напасть такая?!

Я пыталась быть сдержанной, плотно свела бедра, между которыми назревал какой-то ураган из непривычных ощу-

щений.

Охнув, я вспомнила обещание знахарки: мол, влечение увеличится в десятки раз, главное, сразу приступить к делу.

Нет-нет! Нужно сосредоточиться на главном. Переждать! Уверена, все пройдет! Само собой, как ветрянка. Просто переждать, подумать о важном: вот боссу нужна помощь.

В пот бросило. Грудь заныла.

– Мой дед, звездный хирург-кардиолог! Видимся мы довольно редко. Когда дед прилетает, старику льстит, что внук встречает его с помощницей. Вроде как это для него почетно и является признаком моих достижений.

– А красную ковровую дорожку не раскатать? – ляпнула я.

– Ковровую – отставить, каравай – тоже. Но пышный букет купить придется и тебя приодеть.

– Зачем?

– Затем! Непрезентабельно выглядишь, только опозоришь меня. Директор клиники и помощница в ночнушке! Пфф… – фыркнул босс, зачем-то оттянув воротник платья и заглянув внутрь. – Так я и думал. Не лифак, а стыдоба! Ничего, куплю тебе новый. Пойдет в счет премии! Главное, перед дедом не опростоволоситься, а то обидится, что я встречаю его не как положено.

– Есть же водители.

– Одиннадцать утра, а все водители, что не за рулем, уже накалдырились. Сам я после дежурства, за рулем не рублю, могу на светофоре уснуть! К тому же немного пригубил! В

общем, за руль мне нельзя, так как тачку могут тормознуть. На мне штраф висит неоплаченный. Если тормознут, а я с амбре… Точно заберут права! И никакие знакомые мне уже не помогут, потому что не в первый раз сие безобразие я устраиваю! – хохотнул босс. – Так что выручи, конопатый дружочек. Отвезешь меня до квартиры, чтобы я мог переодеться, потом порхаем в магазин за приличным платьем для тебя, а оттуда до аэропорта и обратно – вместе с дедом! Должны успеть. Если все пройдет без происшествий… – подчеркнул. – Озолочу, Кузя.

– Я… Ульяна!

– Мда? А так на домовенка Кузю смахиваешь! – рассмеялся Платонов и потащил меня за собой.

– На кого я смахиваю?

– На домовенка. Домовенок Кузя. Ну ты, чего, мультик не видела такой?

– Не видела.

– Э-эх, молодое поколение, классики жанра не знают! Ну ничего, я тебе этот мультик покажу! – пообещал Платонов и неожиданно крепко обхватил меня за талию, спустив ладонь чуть-чуть ниже.

Знала бы я, что спустя час босс мне совсем другое кино покажет, для взрослых, бежала бы прочь…

Но тогда я решила так: если не целоваться, то зелье не сработает.

Ошибка. Досадная, глупая ошибка.

Моя вина. Целиком, моя…

* * *

– Слушай и запоминай! Это газ, это тормоз. Дополнительная педалька – это…

– Сцепление, я знаю. Механика, – выдохнула с облегчением. – Справлюсь.

Я молча вставила ключ в замок зажигания, мотор заурчал.

– Ну? Чего с места не трогаемся? – поинтересовался босс.

– Обороты слушаю.

– А?

– Загоните машину на автосервис, пусть проверят подшипники коленчатого вала. Машина хорошая и мощная, а звук неправильный. Так быть не должно. Есть проблемы, – констатировала кратко.

Машина тронулась с места. Я напряженно вслушивалась в звук двигателя.

– Я бы вообще не рекомендовала ездить. Слышите?

– Что?

– Звук нахлестывает.

– Так! Не надо при мне механика-экстрасенса изображать. Главное, до аэропорта и обратно, поняла? Этому Мерсу лет двадцать, любимая машина деда. Я бы давно от старика избавился. От тачки, в смысле, но дед, когда прилетает, только на этой машине признает передвижение. В общем, сто-

ит этот старый ржавый конь механический в гараже рядом с моей новой лялькой, только место занимает! – пожаловался Платонов. – Раз в год выгоняю, клянусь Гиппократом. Так что рули в аэропорт без приключений, Кузя, и обратно, цены тебе не будет.

– Я не Кузя, а Ульяна.

– Не бухти, Кузя, а вот на следующим повороте поверни налево.

– Все же отгоните машину на автосервис. Нехороший звук, говорю вам.

Платонов посмотрел на меня пренебрежительно.

– Ну тебе-то откуда знать! Ты же слабый пол! Девушка, в конце концов! У вас там ноготочки-реснички-каблучки – потолок!

Я чуть не задохнулась от возмущения. Если такие женщины составляли круг общения Платонова, неудивительно, что он до сих пор был не женат. Кто же женится на пластмассовой пустышке?!

– Я в селе росла, наш сосед, дядь Митяй, в технике разбирался, как никто другой. Всю технику от велосипеда до автобуса мог починить.

– Это тот же самый дядь Митяй, чей трактор ты угоняла?

– Ничей трактор я не угоняла! – отозвалась обиженным голосом. – Отгоняла на место, когда дядь Митяй был не в состоянии даже трактором управлять. Любил выпить немного. А в целом, он хороший человек с золотыми руками! Навер-

ное, у него научилась кое-чему.

– Чудо, а не женщина! Кофе сварила, механической коробки передач не испугалась, на звук проблему определяешь! – хмыкнул Платонов. – А твоей маме, случайно, зять не нужен! – игриво шлепнул меня по коленке босс.

– Во-первых, вы пристегнуться забыли. Во-вторых, зять у мамы уже есть! В-третьих!

– Ну-ну? – оживился босс. – Что там в-третьих?

– Вы слишком взрослый, чтобы стать зятем моей мамы.

– Кузенька, ты меня сейчас стариком, что ли, обозвала? Тебе лет полных сколько?

– Девятнадцать.

Двадцать лет исполнится завтра, но об этом я умолчала.

– Пф! А мне с… – закашлялся. – Я в меру опытный, но очень активный мужчина. Впрочем, проехали.

– Да, действительно. Тема спорная.

А еще так жарко! Просто невозможно.

– Проехали, говорю, Кузя! Нужный поворот проехали!

Платонов дернул руль у меня из рук, от неожиданности я вцепилась в него крепче, чем надо, но Платонов был сильнее. Получилось, что вместо простого поворота машина понеслась прямиком в столб!

– Тормози! Тормози, кому говорят?!

– Не работают у вас тормоза!

Я вдавила педаль и ничего не произошло! Бух! Машина все-таки затормозила. Передним бампером о столб.

Авария… На ровном месте!

Ну что за день сегодня такой?! От досады и шока я замерла, глядя перед собой.

– Кузя! Кузя, ты цела? Голова? Шея!

Платонов начал ощупывать меня длинными, сильными пальцами.

– Руки… Ноги…

Почему-то моим ногам Платонов уделил больше внимания и времени, чем было необходимо! Зачем-то ощупал бедра высоко под платьем. Хуже было то, что его прикосновения вызвали неконтролируемый жар во всем теле. Особенно мучительно пульсировало внизу живота, а огонь стремительно пожирал все – буквально каждая клеточка ныла от сильного и неистребимого… Я буквально задыхалась и хотела, чтобы он продолжил меня трогать.

Это было ужасно и прекрасно одновременно! Я изо всех сил стиснула бедра, Платонов отстранился от меня, часто задышав.

– Это вы виноваты! Зачем руль дергали?

– Не спорь с мужчиной. Мужчина всегда прав!

– Самодур! – вспыхнула я, посмотрев в сторону мужчины.

Он выглядел странно: был напряжен, взбудоражен. Зрачки сильно расширены, а губы приоткрыты, выпуская частые выдохи. Я залюбовалась его лицом – мужественным и красивым, «залипла» взглядом на его губах и всхлипнула.

– Не реви только! – предупредил босс и зачем-то обхватил

меня за шею.

Его пальцы на затылок, запутались в волосах. Жест вышел резким и жадным. Я не успела возмутиться, а его губы уже набросились на мои глубоким, уверенным поцелуем.

– Что вы делаете? – пробормотала я, оттолкнув мужчину за плечи.

– Успокаиваю тебя. Стресс, все дела.

– С-с-спасибо, но стресса у меня нет.

– Не спорь с врачом, мне виднее, когда и у кого стресс! – заявил, сверкнув глазами.

Я задрожала, разглядывая его спортивную фигуру: широкие плечи, крепкая грудь, острый кадык на шее и правильное лицо.

Слишком правильное. Слишком красивое!

С трудом я отвела взгляд в сторону и задрожала, разглядывая собственные руки, лежащие на коленях, и перебирающие подол простого платья.

– Какая у тебя бледная кожа, – задумчиво произнес Платонов. – А россыпь веснушек…

Я поежилась: конопатая даже на руках! Даже коленки…

– Как созвездия! – выдохнул Платонов.

Я затрясла головой, думая, что он шутил, посмотрела на него и… пропала, утонула в глазах небесного цвета! Мне показалось, будто небо опрокинулось на меня и придавило весом, а это всего лишь босс придавил меня к сиденью и начал целовать, гладя коленки, пробираясь под платье.

Когда он оттянул трусики и коснулся меня между ног, я простонала, тело заискрило и пульсировало.

– Мокрая, трындец… – рыкнул Платонов.

Он начал целовать меня и одновременно с этим двигал пальцами между ног. Неожиданно стало горячо-горячо и невозможно выдерживать напор, внутри что-то напряглось, а потом схлынуло волной по всему телу. Я застонала еще раз, прикусив губу Платонова, забыв обо всем: что нас могли видеть другие водители, в том числе.

Наверняка видели! Иначе бы не сигналили люто!

– Кончила. За секунду… Сокровище недотраханное…

Новый гудок. Платонов оторвался от моих губ и внезапно вылез из машины, затряс кулаками, громко и матерно посылая нетерпеливого водителя на хутор, не только бабочек ловить, а грязно и непристойно с ними совокупляться!

Пока я сидела, пытаясь перевести дыхание и осознать, что только что случилось с моим телом. Таких эмоций я не испытывала ни разу! Как будто током ударили, но до чего же приятно!

Это то самое? Удовольствие, о котором девушки шепчутся, сверкая глазами?!

Додумать мне не дали.

Тот же самый Платонов – или просто лучший в мире мужчина, рывком распахнул дверь, вырвал меня из нутра салона Мерса и повалил на плечо.

Я даже пискнуть не успела, как он быстро перебежал че-

рез дорогу, обогнув стоящие автомобили, и переместился на тротуар скорым шагом направляясь к какому-то зданию.

– Что вы делаете? – всхлипнула я, получив шлепок по попе.

– Здесь в двух шагах – отель! – отозвался. – Не переживай, в аэропорт успеем…

Глава 3

Ульяна

– Отель? – только и успела пискнуть. – Какой отель?

– Неважно, какой. Важно, что там будет кровать, стол, стена…

Оооой!

Почему стало так страшно на миг, а потом внезапно буйным цветом по телу расползлась странная радость, до сих пор мне несвойственная. Я ощутила, как она скользила вверх и вниз, как оплетала тело туго-туго лозами, как плющ, как стягивала живот тугой пружиной, готовой выстрелить.

Платонов поставил меня на ноги.

– Войдем как приличные люди, – пообещал, посмотрел мне в лицо, задержал взгляд на губах и… внезапно толкнул к стене, начав целовать, как одержимый.

Глаза закатились от удовольствия, когда он варварски подцепил меня под попой и втиснулся бедрами между моих.

– Андрей Викторович! – испуганно-удивленно ахнула, когда в промежность уперлась твердая, буквально каменная ширинка модных мужских брюк.

– Да-да, к нему с уважением! – хмыкнул, толкнулся и про-

стонал, дыша часто и тяжело.

– Пожалуйста…

– Минута, Кузя. Нам нужен номер.

Он резко отстранился, помотал головой, позволил мне скользнуть вниз по стене. Я заметила, как на нас с осуждением смотрела пожилая пара китайцев – постояльцев отеля.

Что я творила? Что со мной творилось? Я с трудом одернула вниз платье и хотела пройти мимо Платонова, но он резко сжал пальцы на моем запястье и поволок за собой в отель.

– Андрей Викторович, умоляю… Не надо! – пролепетала из последних сил.

Двери-вертушки закрутили нас на добрых несколько секунд. Мы входили и выходили по кругу, пока кто-то не толкнул нас в спины раздраженно:

– Вы входите или как?

Через секунду мы уже стояли у стойки регистратора. Я переминалась с ноги на ногу, чувствуя, словно в моих трусиках кто-то развел жаркий костер.

– Добрый день, рады приветствовать вас в отеле «Меридиан»! Я могу вам чем-нибудь помочь? – поинтересовалась девушка за стойкой.

– Номер! – хрипло выдохнул Платонов. – Поживее.

– Одноместный? Двухместный? Стандарт? Бизнес? Люкс…

– Какой хочешь, Кузя? – поинтересовался босс. – Я на лю-

бой согласен. Какой есть, девушка! Нам на час… Два.

– Минимальная бронь – сутки. Но свободных номеров почти не осталось. Два этажа сняли под делегацию студентов из союзных республик. Свободен только двухместный люкс и одноместный бизнес-класса.

– Люкс давай! Шикуем! Живее-живее, роднуля, или я эту прелестницу разложу прямо у тебя на стойке! – пригрозил Платонов, схватив меня за попу.

Девушка покраснела, начала клацать ногтями по клавишам! Платонов выгрузил содержимое своих карманов на стойку: ключи, крупные купюры, карточка, презервативы и жвачка.

– Держите! Ваш номер! – протянула ключ-карту.

Платонов сгреб все, ухмыльнувшись, вручил мне презерватив, как подарок какой-то, а пачку мятной жвачки игриво швырнул администраторше. Она захлопала ресницами, провожая нас изумленным взглядом.

Все это неправильно. Неправильно как-то! И напор Платонова, и его поцелуи – грубые, жадные, глубокие и неприличные! И презерватив у меня в руках – как дорогой презент!

Неправильно…

«Так быть не должно!» – подумала я из последних сил.

Но я сдалась прямиком в лифте, когда босс зажал меня в углу и хрипло сказал:

– Иди сюда, конопатая! Научу тебя целоваться по-взрос-

лому!

– Может, не надо? – выдохнула.

– Надо, Кузя. Надо! – возразил босс.

Он куснул губу и начал посасывать ее ритмично.

Все, остатки сомнений растаяли. Я больше не могла контролировать себя и свое тело. Я вцепилась пальцами в плечи Платонова, царапая и скребя через ткань белоснежной рубашки. Стонала и плавилась от его поцелуев.

– А теперь распахни ротик. Дааа…

Я впустила его язык, он начал ритмично кружить и так глубоко, словно хотел лишить мой рот девственности.

– Поиграй с моим языком, пососи его, как леденец…

От нового приказа я поплыла, как клубничное желе! Я дотронулась до его языка своим, подразнила и сделала, как он велел. Начала сосать, увлеклась, не заметив, как тренькнул лифт.

Платонов соображал едва ли лучше меня, но все же смог приподнять меня под попой и понес вон из лифта, не разрывая поцелуя. Я с трудом открывала глаза и закрывала их, смотря, как мелькают номера: 301, 303, 305…

– 307-й! Наш…

Платонов с рыком вставил ключ-карту, распахнул дверь. Мы оказались внутри. Босс закрыл дверь пинком и прямым ходом двинулся в спальню. Через миг я полетела на мягкую кровать, утонув в облаке взметнувшихся простыней.

– Ах!

– Иди же сюда…

Платонов бесцеремонно навалился сверху, развел мои ноги в коленях и снова начал целовать меня.

Его пальцы при этом сгребли трусики в кулак и дернули. Прочная хлопковая ткань поддалась не сразу, но все же поддалась. Он принялся трогать меня там, кружить, давить и пощипывать.

– Андрей… – выдохнула я.

На «Викторович» сил не хватило.

Снова прошибло острой молнией. Бедра взметнулись вверх, под его умелые пальцы.

– Снова кончаешь! Ты год не трахалась, что ли? Дай сюда презик!

Тело сотрясало в бешеных, острых конвульсиях. Зрение меркло и взрывалось радужными вспышками. Словом, я не увидела, как Платонов избавился от брюк и раскатал по члену латекс презерватива, выхваченного у меня из рук.

Через миг мое тело оказалось придавлено мужской тяжестью. Андрей Викторович нацелился на мои губы – снова, начал целовать одержимо и толкаться бедрами.

На горячий, влажный вход надавило что-то большое и очень горячее. Я замычала от того, как толстая головка напористо раздвигала лепестки, проталкиваясь внутрь. Платонов пробормотал что-то о том, что я узкая, словно…

Слова различить я не смогла, потому что утонула в очередном взрослом поцелуе, одновременно ощутив, как босс

бесцеремонно и жестко всадил в меня член, словно поршень, одним движением разорвав девственность.

Меня обожгло изнутри, а Платонов двигал бедрами, как заведенный. Острота ощущений лишь усилилась, я напряглась, сжав его внутренними мышцами, как только можно, и через несколько секунд он задвигал бедрами предельно быстро.

Боль уступила место приятным спазмам, и слезинки начали высыхать на щеках. Горячие движения внутри моего тела не ослабевали, только набирали темп и ускорились.

Острые, жадные, рваные толчки.

Резко назад и быстро вперед, так жестко и быстро, что под закрытыми веками начинали загораться и потухать яркие звездочки.

Каждый раз, стоило только Платонову вонзиться в меня до упора, его толчок выбивал из глубин моей груди низкий, протяжный стон.

Толчок.

Стон.

Спазм…

Спина вытягивалась дугой от частых толчков. Приятные импульсы дробили тело на части.

Снова и снова…

Толчок.

Стон.

Спазм…

Бег по спирали.

Каждый раз все туже и быстрее, все жестче и ближе к чему-то невероятному. К тому самому, что я уже испытала с этим мужчиной, но только на этот раз все глубже, безжалостнее и острее.

Казалось, что я не выдержу такого потока удовольствия, умру, задохнусь: легкие не выдержат! Сердце разобьется от зашкаливающего ритма.

От легкой боли не осталось ни следа. Я стала отзывчивая и откровенная, как никогда раньше!

Я даже не представляла, что такое бывает: что можно так изгибаться, виться на простынях и стремиться навстречу чужому телу, вторгающемуся в мое на предельной скорости.

Шлеп-шлеп-шлеп…

Это звонко соприкасались наши тела! Мокро и влажно было не только между бедер. Спина, грудь… Все покрыто бисеринками пота. Бедра распахнуты до предела. В ягодицы впились сильные, жесткие пальцы, не позволяющие закрыться и ослабить напор.

Огонь пронесся вдоль позвоночника. Все тело налилось остро-сладкой истомой. Меня начало захлестывать ею от края и до края, переполнять, расплескиваясь…

Снова штормить и снова накатывать!

Я кусала губы, испытывая раскаты экстаза. Было хорошо не только мне, я ощутила, что и Платонов, завибрировав всем своим телом, стонал и продолжал толкаться, только уже

медленнее.

Окончательная точка расслабления, теперь меня качало на тех же волнах, что и его. Это было какое-то синхронное движение, затухающие вибрации, но не менее приятные. И что самое ужасно-прекрасное: после них снова начало возгораться пламя.

Платонов грубовато куснул меня за губу, рухнул сверху, на миг прижав своим большим, сильным, влажным телом. У меня не было даже сил, чтобы обнять его или оттолкнуть.

Одни сгустки удовольствия. Я как желе…

Через миг он приподнялся надо мной на локтях, внимательно посмотрел на лицо и откатился в сторону, тяжело дыша.

Секунда… Вторая. Третья…

Тишина, возникшая в номере, после всех этих стонов и криков, показалась давящей, нереальной.

Платонов повернул голову в мою сторону. Я чувствовала, как он на меня смотрит. Раньше бы застеснялась собственной наготы! Тем более, перед чужим мужчиной. Но сейчас это казалось таким правильным и необходимым!

– Я обычно не такой скорый. Но сегодня… – сжал губы мужчина. – Черт знает, что творится. Я снова тебя хочу! – пригрозил. – На этот раз дольше.

Он приподнялся и замер, потянувшись к переполненному презервативу. Заметил на нем красноватые разводы.

– Это что, мать твою, такое?!

Между бедер было липко. Я точно знала, что между ног размазана девственная кровь и на простыне, наверное, тоже остались капли. Я отодвинулась, посмотрела вниз. Да, так и было: на простыне виднелись красные следы.

– Ты девственница, что ли?! – рыкнул босс с претензией. – Почему не предупредила! Я с такими не связываюсь!

– Что?

– То! – выплюнул. Платонов отпрянул в сторону от меня, как от чумной, и заявил: – Пошла вон! Подмойся в душе и выметайся…

Меня словно придавило бетонной плитой. Бух! Придавило так, что не сдвинуться даже на миллиметр. Босс же, как ни в чем не бывало, стянул со своего члена презерватив, ловко затянул его узелком. Жесты были уверенные и ловкие, словно он это тысячи раз проделывал и мог справиться со скользким латексным изделием даже вслепую!

Разумеется, так и есть. Он опытный, взрослый. Он бабник! Я же слышала разговоры о нем – множество разговоров. Девочки шептались между собой на всех этажах и хихикали, смотрели ему вслед влажным взглядом, заигрывали, кокетничали!

Платонов перетрахал всех женщин в центральной городской клинике, где работал хирургом перебрал, так говорили. Платонов переспал и со многими девицами из коллектива частной клиники, во главе которой стоял и иногда вел приемы – чаще всего, консультировал в самых сложных момен-

тах, следил за работой всего персонала.

Нужно было встать и идти.

Это ужасно.

Как только я могла с ним переспать. Как вообще это произошло?! Сумасшествие… Бесстыдство творилось днем, мы даже шторы не закрыли, жалюзи не сдвинули.

Ужас… Я вела себя, как развратная девица.

Платонов сел на кровати. Я видела только его спину и затылок. Золотисто-русые волосы были влажными и потемнели от пота. Он поправил волосы пальцами, забросив назад. Я снова залюбовалась его руками и прикусила себя за язык.

Хватит на него смотреть!

Тебе же сказали: убирайся.

С большим трудом я сдвинула бедра, между которыми все до сих пор пульсировало и ныло требовательно. Босые ступни шлепнули о паркет. Я привстала, испытав головокружение, с трудом удерживая собственный вес, пошлепала в душ. Кое-как сумела разобраться с потоком воды, нацепила шапочку для душа на волосы, омылась быстро-быстро и вылезла.

Слез не было, обида тоже быстро прошла. Я понимала, что виновата сама. Только не понимала, как на такое решилась! Что еще хуже, громче и требовательнее голоса стыда и совести звучал голос вожделения и неутоленной страсти. Тело горело всюду. Даже полотенце натирало и вызывало новые витки возбуждения!

Мне хотелось продолжения…

Я с трудом вытерла кожу, стараясь не касаться груди и между ног, но даже легкие прикосновения сумели сорвать с губ тихие вздохи и постанывания.

Нужно одеться и выйти. Я поискала взглядом бюст: он валялся на полу ванной, там, где я его и оставила, рядом с платьем.

А где же мои трусики? Где они…

– Не это ищешь? – рыкнул мужской голос.

Я вздрогнула. Обнаженный Платонов стоял на пороге ванной комнаты и держал в кулаке мои трусики, впившись в них пальцами.

– Отдайте.

– Они рваные.

– Все равно отдайте! – попросила я и нечаянно скосила глаза вниз.

Ох… Платонов все еще был возбужден, и после того, как я посмотрела на его член, орудие покачнулось, дернулось головкой вверх. Краска жгучего стыда, смешанного с вожделением, захлестнула меня с головой.

В груди закипело что-то темное, порочное и жгучее…

– Уходить собралась?

– Да.

– Уйдешь, – кивнул. – Чуть позднее, – добавил алчно и нагло прижал меня к стене, впившись в губы.

Глава 4

Андрей

«Девственница, Викторыч! Девственница! – ворчливо скрипел внутренний голос. – Девственницы нам не нужны!»

Чисто технически, она уже не девственница, отмахнулся я.

Тем более, горяченькая штучка!

Пусть целуется неопытно, но взахлеб и очень старается!

Язычок острый, бойкий, вкусный… Ох, съесть ее хочется! Куснул за нижнюю губку и начал посасывать, целуя.

Член настойчиво пульсировал, толкаясь в низ ее живота.

Конопатая простонала мне в рот глухо, ее ноги чуть подкосились. Пришлось приподнять под попкой девушку и прижать к стене. Орудие труда мгновенно прижалось к складочкам – припухшим и скользким от липкой влаги.

Если еще оставались сомнения на счет: продолжать заниматься сексом с неопытной, без пяти минут назад девственницей, то едва коснулся головкой прибора к нежным складочкам, окончательно коротнуло. Понял, что упускать такой шанс нельзя!

Надавил, двинул бедрами снизу-вверх и вонзился в соч-

ную мякоть медленным, но уверенным движением.

– Аааандрей… – ее глаза широко распахнулись.

– Ммм… – ответил стоном.

Больше ничего не получилось выдать!

Слишком уж горячо и тесно! Узкая…

Черт-черт, как же в ней было тесно и горячо!

Надавил, вошел целиком и замер, балдея от тесных и жарких пульсаций ее лона вокруг напряженного ствола.

– Андрей… Викторович! – выдавила из себя рыжая, закатив глаза. – Отпустите! – принялась толкать меня ладонями в плечи. – Отпустите, кому сказала! – запротестовала.

Однако от ее ерзаний и движений стройное тело заплясало на моем, еще теснее и глубже принимая раскаленную сталь эрекции.

– Ммм… – застонала, стиснув зубы.

– Еще раз постони! – потребовал я, медленно отведя бедра назад и посылая их вперед.

– Андрей Викторович! – зашипела кошкой. – Я не хочу.

– Пиздеж. Наглый пиздеж!.. Я же чувствую, как сильно ты не хочешь. По бедрам течет. По моим бедрам, а это просто звиздец, какая ты мокрая, Кузенька. Огненная ты штучка, оказывается… – признался я и начал двигать бедрами активнее, под громкие звуки чавканья и хлюпанья между нашими телами.

Под кожей бушевало какое-то убийственное торнадо. Оно только набирало обороты по мере моих движений!

Чем быстрее я двигался, тем мощнее становился вихрь. Мля, унесет… Уже рвет крышу – люто и неудержимо рвет!

– Вы… с девственницами… не связываетесь! – выдала низким, грудным голосом и начала стонать, не удержавшись.

– Так ты уже и не девственница, Кузя. Так что правила – нах! – возразил я и прицепился губами к местечку между шеей и плечом, целуя, звиздец, какую конопатую кожу!

На языке разлился ее вкус – пряный, травянистый какой-то, до безумия свежий и яркий. Обычно от моих баб всегда пахло духами и кремами. Даже если после душа, они пахли как парфюмерная лавка, иногда казалось, будто я целую лавку химикатов слизываю! На губах, чаще всего, помада. Сколько я ее сожрал за всю свою жизнь – несколько кило, не меньше, поедая с женских губ. Но здесь ничего – ни помады, ни духов… Простая-простая, естественная до жути… Глупенькая! Наивняшка… Кто же признается, что трактор водить умеет? Даже мужики сейчас таким точно не похвастаются, непочетно. Непрестижно, а эта дуреха выдала все, как на духу. Интересно, она хоть представляет, как это выглядит в глазах других? Смех, да и только… А я бы посмотрел, подумал с внезапным азартом. Представил ее в джинсовом комбинезоне и широкой рубахе на голое тело, чтобы через тонкую, намокшую от пота ткань просвечивали ее тугие острые сосочки – как спелые вишни.

Фантазия завела меня неприлично сильно! Член отвердел до боли. Мне хотелось двигаться без остановки, как заведен-

ный робот. От такого стояка даже немного больно – хочется разрядиться.

Рыжая внезапно кончила, потекла, выгнулась дугой, ее острые соски чуть не продырявили хлопковое платьице в мелкий цветочек.

Я толкнул ее к стене, припер задницей и быстро стянул с рыжей платье, швырнув на пол. О да, титьки, как я и предполагал – некрупная грудь, твердая двоечка с половиной, но какие красивые полушария – идеально ровные, без перекосов, крупные ареолы и темные соски…

Я наклонился и вцепился губами сначала в левый сосок, облизнул его и начал посасывать, потом переключился на второй, лаская интенсивно.

– Андреееей… – простонала рыжая.

Ее пальчики впились в мои плечи, короткие ноготки скребли кожу. Одна ладонь дрогнула, прежде чем ее хозяйка осмелела и передвинула руку выше, обхватив меня за шею.

Я катал соски на языке, лаская ареолы губами, целуя и всасывая по очереди. Девчонка запустила пальцы в волосы, гладя меня по голове и выстанывая мое имя чаще и чаще.

Член ходил как по маслу, с сочным хлюпом врываясь в податливую мякоть узкого лона. Меня то и дело прошибало дрожью и острыми спазмами. По позвоночнику крались острые шипы кусачих мурашек, а за ребрами словно развели костер. Сердце заходилось в ускоренном ритме, до боли выстукивая частые удары. Но притормозить? Ни за что!

Влажные, тугие стенки сжимали меня изо всех сил, так крепко мой ствол еще ни одна вагина не обхватывала, и в этой тесноте был особенный кайф, когда тесный хват под самое основание заставлял двигаться быстрее и быстрее. Она ускорилась, уже не произносила мое имя, но глубоко стонала, все чаще и чаще, выбивая из груди всхлипы. Меня тоже начало шарашить валом подступающего оргазма. Он сдетонировал незамедлительно, я едва успел вынуть член и притронуться к нему пальцами, чтобы довершить начатое.

Охренеть!.. Ствол пульсировал в моем кулаке, испуская потоки молочной спермы на кожу девушки. Ее кожа на животе была лишь изредка покрыта россыпью едва заметных конопушек, просто очень бледная, зато на лобке, чуть выше небольшого пушка волос красовалась звездчатая родинка. Губам захотелось туда. Мгновенно… Не любил я вылизывать девушкам, но рыжей можно сделать исключение. Так уж и быть. День сегодня такой – исключительный, во многом!

– Андрей… – пролепетала она, едва держась на ногах.

– Кончить успела?

В ответ рыжая покраснела.

– Успела кончить или нет? – требовательно повторил свой вопрос.

Снова тишина, только частое-частое дыхание в ответ и прикушенная губа. Голубые глаза лихорадочно поблескивали, кожа дрожала. Так, кажется, здесь недотрах, Андрей Вик-

торович. На лице несдержанность манер и недостаток воспитания: кончил на несколько мгновений раньше партнерши. Нехорошоооо…

– Спасибо за все. Но я… Я пойду, наверное! – ответила, задыхаясь. – У меня дел полно.

– Не кончила, значит! Пошли! – протянул ладонь. – В конце концов, это дело чести!

– Что именно? – пролепетала она, немного отставая.

Я развернулся и обхватил ее под коленями, забросив на плечо. Рыжая коротко вскрикнула и шлепнула ладонью по моей спине, а я не отказал себе в удовольствии смять крепкий, девичий зад.

Аааа… Бля, тушите свет! Член снова подскочил как заведенный…

Что за…

Я, конечно, активный мужчина, эректильная функция работает прекрасно, все партнерши довольно. Но сейчас со мной творилось что-то невероятное! Когда я еще так оголтело хотел трахаться снова и снова, снова и снова… Всадить ствол до самых яиц в розовую щелочку, испускающую влагу казалось первостепенной задачей!

Опустив рыжую на ворох простыней, я с трудом заставил себя отодвинуться и рассмотреть ее всю. Дух захватило и закололо под ребрами от увиденного – не слишком высокая, но длинноногая, с россыпью веснушек всюду – ее будто изваляли в конопушках, в особенности, забавную мордашку с

вздернутым носиком. Аккуратные губки припухли от поцелуев и дрожали. Она часто дышала, тело дрожало, покрытое потом. Я прочертил пальцем дорожку одной из капелек между налитых, упругих грудей.

Сочная, бл… Вроде не пушка, но такая сочная, плавная, соблазнительная в мягких изгибах. Округлые бедра с задницей, которую можно было обхватить ладонью и трепать в свое удовольствие.

Пальцы закружили у пупка и двинулись ниже, накрыли упругий пушок темновато-рыжих волос, задели чуть-чуть губки. Рыжая застонала, бедра качнулись, словно она хотела их раздвинуть, но застеснялась в последний момент!

– Раздвинь ножки, сокровище. Сделаю тебе приятно. Там, у стены, ты не кончила, верно?

– Я не знаю! – выдохнула, прикрыв глаза.

– Ну, как это не знаешь… Тебе было приятно?

– Очень… – чуть-чуть сдалась просьбе, ослабила напряжение.

Я подвигал пальцем, задев пульсирующий клитор. Она дрогнула, как от удара током и вскрикнула коротко. Чувствительная какая…

– Было хорошо?

– Да-да, было.

– Охренительно хорошо? Тело как будто взрывается, жмет всюду, раскрывается и снова сжимается, как пружина? Вот так тебе было, когда я трахал тебя у стены?

– Вот так… точно не было. На кровати – было, у стены – нет, – честно ответила. – Но близко к тому.

– Насколько близко?

– Вот настолько! – бесхитростно показала пальцами.

– Сейчас будет.

Понежил пальцами узелок плоти, сдвинул пальцы ниже и начал закручивать спираль возле чувствительного входа. Дырочка текла шелковистой смазкой, не переставая…

Бум-бум-бум… Застучало в голове.

Член тоже задергался от прилива. Я должен был унять этот жар, должен был потушить пожар! Прямо сейчас…

С трудом переборол свой долбаный эгоистичный порыв трахаться до опустошенных яиц.

Незачет же! Чуть-чуть не кончила! Но в этом деле чуть-чуть – это значит все!

Качественно все должно быть… Хорошо! Ей должно быть в итоге хорошо, не меньше, чем было мне, когда я таранил на разрыв ее узкое лоно.

Как я оказался внизу, между разведенных в стороны бедер, не помнил.

Запомнил только ее раскрасневшееся лицо и попытки прикрыть узкими ладонями.

– Вы что делаете?

– Делаю тебе приятное! – чуть ли не силой отвел ее ладони, задрал ноги повыше.

Я обхватил руками колени и попросил:

– Прижми их к груди, разведи ножки пошире…

– Боже… Боже… Как стыдно… Срам какой-то! – забормотала она.

– Тебя не целовали там, что ли? Ни разу?

– Нет-нет! Я впервые… С мужчиной.

Блять, пришлось сжать член и успокоить несколькими поглаживающими движениями, чтобы этот удав не втиснулся в мокрую розовую щелочку, с припухшими лепестками у входа.

– Будет хорошо, как доктор, тебе говорю! Ну же… Приказываю, как твой начальник, в конце концов! – добавил строго.

Сам завел ножки повыше и сделал, как хотелось. Она все время причитала и краснела, как вареный рак, но все же, когда приняла ту самую позу, я немного ошизел от доступности и красоты. Красивая она была внизу, вся такая аккуратная, припухшая, розовенькая и немного приоткрытая, как раковина, из которой сочилось желание. Обхватив ладонями ее крепкий задок, я устроился поудобнее и прижался губами к влажному входу.

– Ооо… – дернулась мне навстречу, резко отпустила одну ногу и вжарила мне пяткой по спине.

– Не торопись, сейчас все будет! – хмыкнул. – Верни ногу на место.

– Простите… Андрей Викторооооо… Ооооох!

Стон получился протяжным, наверное, таким же протяж-

ным, как дорожка, проложенная моим языком, от самого низа до пульсирующего клитора и обратно, к самой мякоти! Подрагивающая и пульсирующая под моим языком, она сокращалась и пульсировала, текла еще больше.

Я начал целовать и сосать ее интенсивно, слизывая потоки влаги, покручивая языком вокруг дырочки, а потом начал бить кончиком языка внутрь, чувствуя, как она вся изгибается и вьется змейкой от моих ласк.

– Хватит… Хватит…

Я только разогрелся, только вошел в ритм, принялся долбить языком сочное лоно, а большим пальцем начал натирать горошинку клиторка, хлестко размазывая по ней влагу. Вжался ртом алчно посасывая и ускоряясь. Пришлось придерживать рыжую, так сильно она заскользила и начала двигать бедрами, раскрытая максимально передо мной. Не удержавшись, скользнул языком шаловливо возле второй дырочки и, готов поспорить, ей это понравилось, но она покраснела люто, чуть не обварившись кипятком стеснительности. Ладно, покорение десерта оставим на потом, а пока вернулся туда, где она изнывала желанием и активно начал двигать губами и языком.

Быстрее и быстрее дрожа, натягиваясь, пульсируя… Чувствовал, что она вот-вот готова кончить и неспеша замедлился.

– Андрей… – расхныкалась она. – Андрей Викторович, прекратите.

– Вот так? – совсем остановился.

Она немного поерзала, держа себя максимально раскрытой. Я подул на порозовевшие лепестки и не стал мучить скромницу, снова начал лизать ее неспешно, но ускоряясь с каждой секундой.

– Омм… Аааах… Оооо… – доносилось неразборчивое.

Я доводил до итога наше совместное пребывание, ускорился так, что язык порхал со скоростью колибри, только успевая подхватывать ее соки. Так много, аж по подбородку потекло, весь перемазанный в ее сочном запахе и вкусе. Еще активнее задвигал языком и в последний миг перед самым концом двинул языком глубоко, как только мог, вонзаясь им.

Финалом стала частая дрожь ее бедер и частые-частые выдохи, как будто она задыхалась, выгибалась дугой, из последних сил держа ноги и груди, кончая бурной рекой.

Я все еще ласкал ее, ловил затухающие пульсации, лизал нежнее. Потом поднялся и вытер губы тыльной стороной ладони, опустил сведенные судорогой ноги и завис над задыхающейся рыжей.

– Как тебе?

Глава 5

Андрей

Из голубых глаз девушки покатились слезинки.

– Это… Это… Слов нет, как прекрасно.

– Оргазм всегда прекрасно, а теперь посмотри на себя.

– Что?

Я устроился рядом, перевернул ее на бок, в сторону зеркальной дверцы огромного шкафа и прижался к ней со спины. Эрегированный член мгновенно нашел истекающую соком расщелину, даже вести не надо было – сам воткнулся головкой и начал погружение.

– Ааах… Боже, вы снова? – выдала испуганное, но сама выпятила попку неосознанно мне навстречу.

Я согнул одну ее ногу в колене, отвел и опустил пальцы между ног. Целовал конопатые плечи, покусывая.

– Смотри, как красиво… – покрутил пальцами возле клитора. – Смотри там, где я вхожу в тебя!

– Это… слишком, – сглотнула она, стрельнув заинтересованным взглядом.

– Красиво. Смотри, как я тебя трахаю… Смотри, как тебе это нравится! – начал всаживать член резче. – Смотри же!

Она распахнула глаза и начала смотреть, облизываясь, постанывая, дрожа всем телом, потом стала смелее и подмахивала бедрами мне навстречу.

– Смотри, как я тебя… Нравится?

– Да. Да… Еще… – окончательно расплылась в моих руках и расслабилась, ерзая попкой возле бедер.

Я тоже смотрел зачарованно и впитывал наш секс и, клянусь, мы высекали не только искры, во все стороны брезжил радужный сок.

Хлюпанья и обоюдные стоны соревновались в громкости.

Обычно я редко стону во время секса, но тут не сдержался и тоже начал стонать, двигаясь быстро и часто…

День сегодня просто – исключительный во многом.

На пике она так крепко обхватила меня, что я чуть не разрядился обоймой внутрь, но смог передержать, перетерпеть один миг, подождал ее финала, и только потом вынул каменный член, пристроил его между половинок попки и начал двигаться по касательной, скользил вдоль, тем не менее задевая тугое колечко.

– Андрей… Андрей Викторович! – забормотала, беспокоясь за свою девственную попку.

– Тшш…

Еще два или три резких рывка и меня затрясло. Гулкий шар бомбезного удовольствия разорвался прямо надо мной, оглушив полностью.

Я кончал и не мог перестать кончать… Откуда столько

спермы?

Бесперебойный поток семени! Всю задницу залил, половые губки и даже на простыню наляпал, а потом еще несколько мгновений двигал пальцами между ягодиц, разнося сперму ритмичной спиралью по ее тугой заднице.

Она кончила. Снова! Теперь уже от того, как я ласкал ее клитор и чуть-чуть нажимал на розочку отверстия.

Ах ты ж… Точно недотраханное сокровище, вернее, совсем нетраханное, а у меня…

У меня такой опыт, такой арсенал! Хотелось бросить весь этот опыт к ее ногам!

– Андрей Викторович! – взвизгнула, когда я впился губами и зубами в плечико, выгнулась в спине, чиркнула попкой возле моих бедер.

– Отдых, пять минут… – выдохнул и рухнул рядом, сгреб в охапку тело девушки.

Закрыл глаза… Ощущение, как будто я до сих пор трахался и кайфовал.

Готов поспорить, она испытывала те же самые чувства.

Лениво приоткрыл глаза, посмотрел, как она дышит, заметил, что подушки валяются у нас в ногах.

В пылу страсти мы даже завалились на кровать неправильно, ногами к изголовью. Впрочем, плевать, подумал лениво.

Пять минут на отдых, потом еще разочек… Хочу ее сзади взять, а потом быстро в душ и по делам. Дед все-таки ждет. Уже опаздываю, но придумаю что-нибудь, накину…

Пять минут на отдых, еще полчаса на все-про-все, включая сборы. Про машину придется сбрехать!

Мысленно составил план и отрубился…

Проснулся позднее. Хотелось пить.

Пить и трахаться.

Член снова стоял колом, а близость стройного юного тела делала его еще более твердым. К слову, рыженькая тоже вела себя провокационно, постанывая во сне.

Я опустил руку, провел пальцами между половых губок: напустила соков…

Разве можно устоять? Перевернул ее на животик, устроился сверху и начал двигаться короткими, жаркими толчками, пока не выплеснулся…

Даже не помню, как – вышел или в нее кончил. Мгновенно забылся!

Все как в тумане, ясно только одно: едва кончив, я снова хотел! Шиздец какой-то… Все отошло на второй план, я готов был трахаться снова и снова, снова и снова. К слову, рыжая тоже не отставала. Ее вагина без конца текла и сжималась, пульсируя.

Номер был огромный – такое количество вариантов, но дальше кровати мы так и не сдвинулись. Как же… Отойду я, а она неудовлетворенной останется?!

Секс-марафон продолжился!

Рука бойцов колоть устала… Тьфу, член трахаться устал, но перестать трахаться я не мог!

В перерывах я пытался вспомнить, когда со мной раньше такое бывало: чтобы долбиться почти без передышки, как юнцу, который впервые дорвался до женского тела и получил к нему полный доступ?

Не было такого, вроде?

Вспомнил лет пятнадцать назад… Тогда Марсель с отличием закончил летное, устроился пилотом на внутренний авиарейс и совершил первый самостоятельный полет. Ник – перевелся на должность топ-менеджера крутой компании. Он дотопал до высокой ступеньки, пробираясь с самых низов, чем гордился невероятно, а я… Я в это время мог похвастаться только тем, что сдал хирургию Василькову. Несмотря на милейшую фамилию, препод был зверь. Зверюга… Говорил, хирургию на пять знает только господь бог и то лишь в те дни, когда не отдыхает от создания мира. Даже для двойки нужно было постараться, препод щедро ставил колы и даже нули! Самодурствовал по полной, требовал, три шкуры спускал. Тройка у него была потолок, а четверка… Ох, бля, при мысли о ней даже эрекция возникала.

Я сдал на четверку, и потом мы всей дружной троицей отправились кутить. С четверга по воскресенье… Сколько мы всего тогда выпили, выкурили, сколько баб перетрахали… Вспомнить страшно! Но даже тогда, меня так не жгло и не вставляло, как сейчас. Причем, на одну и ту же – рыжеволосую.

Внимательно посмотрел на нее, спящую. От пота ее воло-

сы стали цвета темной меди. На груди красовались багровые засосы, один уполз на шею…

Это я постарался, подумал с гордостью, прежде чем сорваться в очередной раз и потом уснуть крепко-крепко…

Проснулся от того, что кто-то люто бомбил в дверь.

– Обслуживание номеров. Администрация! – нервно горланили. – У вас бронь закончилась…

Я с трудом сел на кровати, провел пальцами по взлохмаченным волосам, проскрипел в ответ:

– Бронь? Какая бронь? Всего час или два прошло…

– Прошли целые сутки! – раздалось возмущенное из-за двери.

– Вы продлевать будете или съезжать?

– Съезжать. После завтрака.

– После обеда, то есть?

Посмотрел за окно. Окна мы так и не зашторили, охренел: солнце-то уже стоит высоко!

– Давайте и обед, и завтрак… За просрочку оплачу, на чай щедро оставлю! – успокоил разгневанных служащих.

Сутки?! Как могли пройти сутки?

Где мой телефон? Телефон валялся на полу выключенным. Сел, наверное. Я нашел зарядное устройство, включил телефон, проверил дату.

Календарь не лгал: суббота!

Долбаная суббота… Выходит, я сутки протрахал! Целые сутки…

Позади меня раздался шорох. Оглянулся: рыжая просыпалась.

Рыжая заворочалась на кровати, села, заспанная, лохматая, в засосах, подтянула к груди простыню и посмотрела на меня стыдливо-испуганно.

На телефон начали приходить уведомления – одно за другим.

Меня впечатлило не их обилие, после напряженных суток дежурства всегда так. Но лаконичное смс от деда я мгновенно отметил в ворохе других:

«Не утруждай себя, Андрей. Я поехал на такси».

Дед! Е мое… Я про деда забыл! Не встретил его… Ну все, мне хана!

– Что-то стряслось? – уточнила тихим голосом рыжая, закутавшись в простыню высоко-высоко!

Только одни глаза остались выглядывать – голубые до невозможности!

Торчащая во все стороны рыжая копна волос довершала картину.

– Иди в душ, – отпустил девушку. – Сейчас нам поесть принесут, а я пока совершу несколько важных звонков.

Она опустила ноги на паркет, шлепнув босыми ступнями. Звук вышел довольно звонкий, от него в голове зашумело.

– Ой, – поморщилась и тихонько снова ойкнула.

– Так…

На голову накатывало нехилой такой мигренью, но я пы-

тался мыслить здраво и рассуждать трезво. Ойкать рыжая могла в случае дискомфорта.

В ее случае дискомфорт мог быть только одним – из-за чрезмерной сексуальной активности.

– Неприятно? – спросил прямо.

– Что? Где?

Я едва не ответил: в пиз… Короче, чуть в рифму не ляпнул! Другой бы так и сказал, но сейчас почему придержал в узде матерщиника, который чрезмерно активизировался всякий раз, когда накатывала мигрень.

– Щелочку свою покажи.

Я размял пальцы привычным жестом, как перед пальпацией больного.

Рыжая задержала дыхание и посмотрела на мои руки, как на тентакли иноземного чудовища.

– Нет! – заявила твердо.

– Что нет? Небось все огнем горит? Показывай!

– Я думала, вы хирург-травматолог и директор частной клиники, а не гинеколог! – парировала она неожиданно твердо.

– Не будешь писюшку свою показывать, что ли? – изумился я.

– Не буду! – плотно сжала челюсти. – Мне надо в душ.

– Ну так иди! – махнул рукой. – Мочалкой только не три там, хорошо?

Она вскочила и пошла в душ, продолжая кутаться в про-

стыню. Смешная! Чего я там еще не видел? Много раз и в разных позах и видел, и трахал.

Невольно я скосил взгляд на ступни девушки и загляделся, как резво она шлепала в ванную, по полу, залитому солнцем. Только пяточки мелькали и тонкие щиколотки виднелись из-под простыни.

Признаюсь, вспомнил, как она держала ножки у груди и позволила мне лизать себя.

Ахтунг, Викторыч!

Когда это ты первоклассным лизуном успел заделаться?

Ладно, поздно пить Боржоми, когда почки отвалились.

После фривольных мыслей тело напряглось немного, член крепко привстал, но уже без фанатизма.

Я едва успел натянуть трусы, как пришли служащие отели и подали завтрак. Я решил дождаться появления рыжей из душа, чтобы разделить с ней завтрак и обсудить кое-какие моменты.

Рабочие, разумеется!

Если я не ошибаюсь, то перед тем, как пасть порочно и низко, я планировал взять рыжую на замену Вите. Планировал, но потом что-то пошло не так и планы отошли на второй план, а на первый вышел головокружительный секс и, пожалуй, самый охренительный, что у меня был! Усилием воли я согнал порочные картинки прочь из головы, и начал разбирать завал сообщений.

Но не успел прошерстить, как следует, позвонили.

– Викторович, подмени меня на дежурстве? – сразу же, без приветствия раздался голос Григорьева, врача из центральной поликлиники.

– Ну, что опять? – выдал я раздраженно. – Я уже подменял тебя, в четверг вместо тебя вышел! Тещу ты встречал!

– Да лучше бы я ее обратно в Хабаровск отправил! Подарила моей четырехлетке магнитный конструктор. Ебучие мелкие шарики… Говорил, мама не надо! Мама, не стоит моей егозе это давать, она все в рот тянет! Нет ж, блять, курва старая, завопила, что я не даю ей радовать ребенка, всучила конструктор этот! Пообещала следить. И не уследила. Моя дочка наглоталась этих шариков, они там в кишечнике между собой смагнитились… Придется операцию делать! Мы в детской, готовимся к экстренной операции! – сразу же вывалилось на меня.

– Ну если так, – раздражение пропало мгновенно. – Выйду, не вопрос! Просто я смогу приехать через час-полтора, не раньше.

– Бог с тобой. Сегодня суббота. Должно быть спокойно, просто появись, хотя бы для галочки, на обход к самым сложным, идет?

– Не вопрос. Выйду. Кто оперировать будет твою дочку?

– Машенцев.

– Повезло. Золотые руки. Все будет хорошо, не переживай!

Так, теперь еще и на дежурство гнать надо!

Мысленно прикидываю: в среду работал, в четверг на суточное дежурство вступил, на замену. В пятницу в частной клинике работал, потом благополучно целые сутки протрахал. Остаток дня субботы придется провести на чужом дежурстве. В понедельник у Никитоса операция! Я должен провести…

Вывод – нужно больше кофе! Ситуация такая, нарочно не придумаешь. Григорьев за дочку трясется… Ох уж эта теща, даже меня зло проняло. Тещи – вселенское зло, никогда такую гадкую живность не заведу!

Так, разбираемся дальше.

От деда – ясен пень, сообщение прочитал, прошерстил список, в поисках дополнительных строк от него – не было ничего.

Позвонил. Нарвался на длинные гудки.

Вспомнил, что дед пользовался сотовым телефоном лишь в крайних случаях. Набрал домашний номер телефона собственной квартиры и прислушался.

Гудки!

Никто не ответил…

Но куда еще мог поехать дед? Родители в отпуске… Не в отеле же он остановился? Или в отель забурился?! Если дед поехал жить в отель, все, тушите свет, значит, обиделся капитально! Восемьдесят три года мужчине, а обижается, как маленькое дитятко! Если мой звездный дед обиделся, потом еще от родителей влетит…

За что мне это наказание?!

Прислушался к шуму воды в ванной. Ответ пришел сам собой: за разврат… Но буду честен, я бы еще раз, на дорожку, так сказать! Запрыгнуть в душ или пожалеть натруженную писюшку девушки, которая была девственницей всего какие-то сутки назад? Не обязательно же вагинально… Можно еще и орально!

Глава 6

Андрей

Быть или не быть? Зачем сомневаться, если можно проверить на практике? Я не стал гадать, решил пойти практическим путем. То есть направился в ванную, стрелка компаса гордо вела в нужном направлении.

Оказавшись у двери ванной, я прислушался. За дверью шумела вода.

Фантазия мгновенно нарисовала юный, тонкий силуэт в душевой кабинке и темно-рыжие, медные пряди волос, прилипшие к мокрой коже.

Не красоточка Кузя, отнюдь, но кровь похотью зажгла.

Я постучался костяшками пальцев по двери, конец от фантазий тоже пульсировал головкой, едва не постукивая о дерево, просясь войти. Если бы не трусы, наверное, головка тоже бы уперлась в дверь, нетерпеливо требуя предоставить немедленный доступ к юному телу.

Что же вас так, Андрей Викторович, на юных дев потянуло, а?

Ульяна сказала, что ей девятнадцать, а мне ровно на одну веху совершеннолетия больше.

Тридцать семь лет с небольшим хвостиком, длиной в десять с половиной месяцев.

Да, бля, что за кокетство, разозлился на самого себя!

Я почти в двое старше, чем рыжая, и нечего тут хвост павлиний распушать. Как говорила великая Раевская, под павлиньим хвостом всегда прячется обычная куриная жопа.

Впрочем, плевать.

Я подождал немного.

Вода, как шумела, так и продолжала шуметь, не утихая.

Нажал на ручку двери, она не поддалась моим усилиям.

Заперто?

Что же это такое?

У меня вопрос утренний, особо острый, а конопатое тело заперлось в ванной!

Хотелось идти на таран. Стояк утренний обыкновенный превратился в крайне острую проблему, не решать же мне ее вручную?!

Пока я мысленно буйствовал и прикидывал, как быть: постучаться еще немного или просто вынести дверь, вновь раздался телефонный звонок.

На экране высветилось «мама и папа».

Что ж… Секс с Кузей отложить придется, как и фантазии по поводу вышибания отельных дверей!

Есть у родителей такая прямая обязанность – обламывать секс своим чадам.

Ответить было нужно.

Во-первых, чтобы разведать обстановку: накляузничал ли дед?

Не могу сказать, что он жаловался моим родителям прямо, но иногда позволял себе намекнуть, что молодежь дурно воспитывает новое поколение, а поскольку я был единственным чадом у родителей, всем сразу становилось ясно, что речь именно обо мне, а не о ком-то другом.

Пришлось, ответить.

– Добрый день, Андрей, как прошло? – послышался в телефонной трубке голос папы.

– Добрый день, все отлично.

– Хм… Странно, а я не мог до вас с отцом вчера дозвониться. Между прочим, звонил поздно, в десять вечера. Никто не отвечал.

– Па, десять вечера. Детское время! Разве будут два взрослых, холостых мужчины сидеть в такую прекрасную погоду в доме?

Отец возразил что-то, но я услышал, что звонили параллельно.

Дед!

Объявился, емое!

– Па, я тебе перезвоню. Это срочное! – затараторил и быстро отключился, пока отец ничего не возразил.

– Дед, кхм… Добрый день. Как долетел?

– Отлично. Погода хорошая. Аэропорт шумный. Грязный. Сиденья неудобные, – начал перечислять дед.

– Слушай, дед, тут такое дело… – почесал в затылке. – Не получилось встретить тебя. Я был… эээ… занят.

– Сутки? – поинтересовался холодно. – Не на дежурстве, я уточнял. Забухал, что ли?

– Чтоооооо?! Дед, да как ты мог такое подумать?

– А что такого? Твой коллега, Величко сказал, что ты мог и загулять.

– Ах ты паскуда! – ругнулся.

– Кто?

– Гнилой этот Величко, дед. Я тебе сто раз про него рассказывал. Пригрел змеюку на своей груди, вырастил приличного врача, а он гнилым оказался.

– И все же… Если не бухал… – задумался дед. – Чем похуже увлекся?

– С девушкой я был. Ясно?

– Наверное, хороша? Если ты про все на свете забыл?

– Ты у меня в квартире остановился? – перебил я деда.

– Да. А что? Так что там с женщиной? Правнуков мне ждать?! Или как?!

Пальцы потянуло перекреститься. Не был я готов ни к семье, ни к розовощеким младенцам. Заведешь такого, а потом всю жизнь за него переживай!

– Где ты был вчера вечером, дед? Отец звонил, а тебя дома не было. В десять часов, между прочим. У тебя режим – отбой в полдесятого. Ну?

– Скажем, так, была у меня веская причина нарушить при-

вычный час для отхода ко сну.

– Ясно. Скажу отцу, что мы дышали свежим воздухом на прогулке.

– Достойное оправдание. Так мне правнуков ждать?

– Не в этом году, дед.

– Не в этом, конечно, – согласился. – На дворе жаркое лето, родить даже к зиме успеет, только если ты эту прелестницу намного раньше младенцем наградил. Весной… Или в конце зимы… – начал подсчитывать в уме.

– Мне отцу перезвонить? Он за твоим режимом бдит пуще сокола! – оборвал расчеты деда.

– Шантажист бессовестный! Плохо тебя родители воспитывали, баловали чрезмерно, эгоиста вырастили! Впрочем, это не столь важно. Ты скажи, когда мне правнуков ждать?

– Ни в этом, ни в следующем году, дед.

– А как же «загулял на сутки»?

– Это были приятные, ни к чему не обязывающие отношения. Загулял на один раз, большего не жду и не планирую! – прямо заявил я. – Максимум, на что она может рассчитывать повторить еще один раз ради обоюдного удовольствия! – громко заявил я и услышал позади себя шлепанье босых ступней по полу.

Позвоночник обожгло, вся спина покрылась мурашками от пристального взгляда.

Рыжая появилась. Не знаю, что и сколько она услышала, но кое-что могла услышать!

– Дед, отцу перезвони, – попросил я. – Скажи, что мы гуляли, идет? Увидимся скоро.

Рыжая смотрела прямиком на меня, пристально, не отводя ледяного взгляда голубых глаз. В нем поблескивали странные огоньки, значения которых я не разумел.

Я пристально разглядывал рыжую. Огненная копна волос привлекала внимание, смущенная мордаха алела, как советский флаг. Я хорошо помнил все безумства, которые с ней вытворял. Смотрел на нее, каменел в трусах до неприличия от воспоминаний, но… честно, не понимал, с чего вдруг сорвался с ней в такой безбашенный секс-марафон. Да, было в этой рыженькой что-то приятное, цепляющее, но, откровенно говоря, красоткой ее назвать было сложно. Лицо простоватое, черты не самые изящные…

Словом, она была привлекательной, но я не понимал: как… почему… что стряслось, что я набросился на нее, как примат с длительным воздержанием?!

Было ли мне стыдно за все шалости? Ничуть! Вспомнил, как лизал ей… Жаром пыхнуло изнутри. Я постарался не зацикливаться на этом моменте, впереди было много дел.

– Завтрак привезли. Составишь компанию?

Не говоря ни слова, она подошла к столику, сняла крышки с блюд и вздохнула:

– Яичница. Желтки запеклись, а я люблю мякиш макать с жидкий желток. На сосиски смотреть не могу…

– А тут, кажется, еще фрукты должны быть…

Под очередной крышкой высилась вазочка с клубникой, а рядом стояли взбитые сливки. Тошнотворная классика, набившая оскомину!

Рыжая не оценила, посмотрела на все это, как на грязь, и снова перевела на меня свой ясный взгляд.

– Не хочешь завтракать? Тогда давай собираться, – предложил я.

Предлагать трахаться было как-то глупо.

– Андрей Викторович… – позвала она меня.

– Ну?

Она помолчала секунду, словно набиралась решимости, а потом выдала:

– Вы поможете мне объясниться с моими родителями?

И тут я понял, что могу влипнуть…

* * *

Ульяна

– Андрей Викторович, вы поможете объясниться с моими родителями?

Платонов застыл, застегивая белоснежную рубашку.

– С какими родителями? – спросил он низким, севшим голосом. – Кузь, ты чего несешь?

– Родители. Мои… – проглотила часть слов и повторила. – Я со школы обручена с парнем, его зовут Николай. Николай – сын близких друзей моих родителей. Я берегла себя для жениха, невинность хранила для нашей свадьбы, а сейчас выходит так, что я обманула доверие и больше не смогу быть его невестой.

– Чего это не сможешь? – хмыкнул Платонов.

Я одеревенела. По телу хлынул стылый мороз, нутро свернулось в комочек от лютой стужи.

– Но как же… – я начала запинаться и с трудом подыскала нужные слова. – Я обручена, но у меня была связь с другим мужчиной. Интимная! Я не смогу обманывать жениха. Вы лишили меня невинности. Все приличные мужчины после такого…

– Женятся, ты хочешь сказать? – оборвал меня Платонов. – Ты с какой луны свалилась, Кузенька?

– Я Ульяна.

– Секс – не повод даже для знакомства! – назидательно произнес Платонов. – Не говоря уже о женитьбе. Признаю, адюльтер получился более, чем приятный, я готов тебя отблагодарить и повторить! – подмигнул. – Начиная с сегодняшнего дня ты будешь моей помощницей, в особенности в том, что касается секса. Нам еще столько всего нужно опробовать, заглянуть во все потайные укромные местечки…

Я сидела и слушала, что он мне говорил.

Не поверила.

Может быть, ослышалась?

– Вы хотите, чтобы я стала вашей любовницей?!

– Любовница – это уже какие-то отношения. Я отношения тебе не предлагаю, Кузенька. Во-об-ще! Не создан я для такого, понимаешь? Вольный орел не будет виться возле скворечника. Просто предлагаю место помощницы с бонусами, ооочень приятными для нас двоих!

– То есть просто интим? Близость без отношений? – я затрясла головой, не веря, что такое случится со мной. Переспросила: – Вы не станете ничего объяснять?

– Кому? Предкам твоим? – рассмеялся. – Ай, Кузя, хватит корчить из себя мультяшку наивную. Вчера было даже прикольно склонять тебя на темную сторону взрослой жизни. Но хорошая шутка имеет свой убойный эффект лишь единожды, потом уже не то. Не будем повторяться, Кузя. Не хочешь завтракать, давай собираться. Встретимся на рабочем месте, трусы обязательно купи себе новые, но не такие крепкие. Я эту парусину только со второго раза порвать смог! – показал мне разорванные трусики, которые валялись на полу.

Мне все было ясно. Но я не хотела в это поверить!

Просто не могла даже представить, что после такой ночи можно вести себя подчеркнуто-равнодушно, как Платонов.

А как же его ласки – бесстыдные ласки, как он меня целовал, языком ласкал всюду, даже в самых запретных местах! Разве чужим девушкам такое будут делать?!

Тем временем Платонов быстро одевался, отвечал на телефонные звонки и почти не обращал внимания на меня, застывшую без движения. В итоге, он подошел ко мне и начал рыться по карманам брюк.

– Это тебе, Кузя, на такси, а вот это на трусы новые! – щедро вытащил одну купюру помельче и несколько крупных, всунул в онемевшие пальцы и сжал их. – Все понятно?

– Что-что? На трусы?

– На трусы, на трусы, Кузя. Твои же я порвал.

– Я не Кузя. Я Ульяна.

– Не спорь, Кузя. Так… Собирайся скорее, мне надо номер сдать! – швырнул в меня платьем и похлопал в ладоши. – Ну, чего сидишь, ресницами хлопаешь? Давай-давай, быстрее! Цигель-цигель, ай-лю-лю!

– Что это означает? – нахмурилась я.

– Означает, что времени у меня в обрез. Ты, профурсетка этакая, меня на секс развела и целые сутки украла, а у меня дед прилетел. Важная персона, между прочим… – трещал Платонов, натягивая на тело одежду.

Я смотрела, как он одевался, и испытывала самые разные эмоции от восторга до щемящего ужаса.

Я восторгалась тем, насколько он хорошо выглядел для своих лет: крепкий, жилистый, подтянутый, и ужасалась, как я могла отдать едва знакомому мужчине свою невинность?!

И почему он обозвал меня профурсеткой?

Это плохое слово, я знаю!

В груди запекло, глаза наполнились слезами. Но я постаралась их проглотить и задала главный вопрос:

– Одевайся, – повторил босс уже чуть-чуть раздраженно.

Я машинально натянула платье и собрала волосы в хвост на резинку.

– Деньги не забудь!

– На новые трусы? – спросила равнодушно, а внутри что-то треснуло, надломилось и покатилось в бездну.

– На новые трусы, – кивнул и небрежно поправил волосы длинными пальцами.

Теми самыми пальцами, которыми он меня трогал всюду, даже самое интимное место на попе облапал, кружил там, надавлилвал на колечко входа.

После всего этого безобразия он просто предлагает мне денег на новые трусы!

Совсем ни в какие ворота…

Да как он мог?!

Слезы обиды закипели на глазах!

Я подарила этому мужчине самое ценное – свою чистоту и невинность, а он… сунул мне в кулак деньги на новые трусы.

Это даже хуже, чем пощечина и плевок в лицо!

– Не нужны мне новые трусы. Старые отдайте! – потребовала я.

– Кузя, они драные. Писюшка будет прохлаждаться на ветру.

– Я зашью, – ответила надломленным голосом.

– Что?

– Зашью. У меня в сумочке всегда при себе есть моток ниток, ножницы и иголка. На всякий случай…

– На случай драных трусов? – заржал.

– На случай прохудившейся одежды. Всякое может произойти.

В ответ на мою реплику Платонов снова рассмеялся, сам поправил на мне платье, подал сумочку и потащил к выходу.

Я думала, хуже уже быть не может, чувствовала себя униженной, морально растоптанной, грязной, но хуже может быть всегда.

У самой двери я опять попыталась отобрать у Платонова свои трусы, он держал их комком в кулаке.

– Отдайте.

– Новые купишь, а эти я себе оставлю!

Он расправил трусы, сложил их быстро и сунул в карман пиджака.

– Таких трусов у меня в коллекции еще не было!

После этих слов мое сердце разлетелось на осколки.

Коллекция?

То есть у него целая коллекция трусов девушек, с которым он был близок?! Трофеи? И я в их числе?!

Глава 7

Ульяна

Я застыла, Платонов подтолкнул меня, повел по коридору, говорил что-то приговаривал, но я не слышала.

Я осознавала весь ужас сложившейся ситуации: я отдала невинность бабнику, цинику!

Испорченная я, гадкая, пошлая… Недостойная своего жениха.

Обманом хотела приблизить мужчину к себе, вот и пришлось пожинать плоды!

Как же обидно от поведения Платонова.

Я совсем запуталась… Потому что пренебрежение Платонова и его слова о коллекции женских трусов задели меня сильнее, чем подозрения об измене любимого жениха.

Как так? Все зелье, проклятое! Сработало на мне, а на Платонове неправильно сработало!

Наверное, проспиртованных людей зелье не берет… Не берет! Но когда знахарка спрашивала, пьет ли Коля спиртное, я ответила твердое нет: Коля трезвенник, и знахарка отправилась замешивать приворотное зелье, подобрала нужную дозу, а я…

Все испортила.

Теперь как смотреть в глаза жениху? И как быть с Платоновым, который внезапно остановил меня посреди коридора и заглянул в лицо пытливо:

– Ты меня поняла?

А что же он говорил? Я и не слушала…

Но на всякий случай пожала плечами.

– Где твоя голова, Кузя? – пожурил, ущипнув меня за нос. – До сих пор в отпуске или под впечатлением? Это только начало! Будет чуть больше времени и не на бегу, я открою для тебя новые горизонты! – многозначительно сжал попу.

Как будто намекал на новый горизонт для открытий!

– Я заказал такси, серая приора за тобой приедет, номер семьсот восемьдесят семь!

– Я на автобусе поеду. Или на метро.

– С голой писюшкой?! – удивился Платонов. – Во-первых, опасно. Во-вторых, не гигиенично! В такси хоть меньше народу ездит. Никакого общественного транспорта! – заявил уверенно. – Или будешь уже завтра мучиться от вагинального кандидоза, как минимум! А как максимум…

– Хорошо, я поеду на такси! – оборвала его, не желая слушать о постыдных женских болезнях. – А вы не со мной поедете?

– Нет, Кузя, я с тобой не поеду! – отрезал Платонов. – Меня дед ждет. Наверное, он кипит, как чайник… Все. До скорого, Кузя! Семьсот восемьдесят семь, серая приора, за-

помни! – от отошел и махнул, удалился быстро-быстро.

Платонов оставил меня одну. Я отошла к окну в коридоре отеля и заплакала тихонько. Но слезами невинность было не вернуть… Поэтому, поплакав немного, я не видела иного выхода, кроме как вернуться в съемную квартиру и хорошенько все обдумать.

На такси ехать не стала, вышла из отеля, дошла до первого же магазина и зашла в отдел женского белья, купила трусы, покраснев на кассе.

Как будто кто-то мог знать, что я без трусов.

Потом я закрылась в кабинке женского туалета и надела новые трусы. Между ног все ужасно ныло и тянуло болезненно. Нужно домой…

Кое-как я добралась до квартиры, ломота во всем теле достала…

Я с трудом поднялась на четвертый этаж, отдыхая на каждом пролете буквально и, едва войдя в квартиру, сразу же побежала в ванную, склонившись над унитазом.

Меня начало сильно рвать, тело дрожало, как в лихорадке. Прохладный душ помогал на минутку, наверное, потом я брела на диван, куталась в старое одеяло, но через пять минут меня снова смело в сторону ванной комнаты. Там я и провела больше часа. То тошнота, то слабость, то в пот бросало – я мылась под душем, а потом снова по кругу…

Измучившись, я присела возле ванной комнаты, закрыла глаза на минутку. Всего на минутку, чтобы собраться с си-

лами, но меня как отрубило…

– Эй… Уля! Ульян, тебе плохо, что ли? – затрясли меня за плечо. – Ульяна… – прозвучал обеспокоенный голос подруги.

Я с трудом открыла глаза, зажмурилась от яркого света ламп.

– Очнулась, – выдохнула Лена с облегчением. – Тебе плохо, что ли?

– Плохо было. Да… Сейчас вроде хорошо, – ответила хрипло.

– Вставай-вставай!

Подруга помогла мне подняться, осмотрела внимательно.

– Умойся, волосы слиплись, – заметила Лена. – Ну и напугала же ты меня. Я прихожу с ночной смены, сегодня в цветочном на подработку вышла, а ты тут спишь на коврике в ванной и полотенцем для ног укрылась! Напугала… Давай в душ. Я крепкий чай заварю, вчерашняя заварка прокисла совсем.

Я умылась, тело все еще ныло в некоторых местах, между ног немного саднило, но, в целом, я чувствовала себя довольно хорошо. Гораздо лучше, чем при возвращении домой.

Телефон издавал звуки уведомления – одно за другим. Я посмотрела на экран и ахнула: сутки пролетели!

Мама, что творится?!

– Лена, Лена, какой сегодня день недели?!

– Воскресенье, конечно.

– Воскресенье?!

– А ты, я вижу, совсем в любовном угаре потерялась? Вся в засосах! – заметила Лена и приосанилась. – Я же говорю, работает зелье! Наверняка Коля над тобой постарался… Сделал из тебя женщину?

– Работает зелье, – сказала я и заплакала. – Только не с тем мужчиной оно сработало!

– Как?! Боже… Уля… Не с Колей переспала? Уля, как ты могла так ошибиться?! – запричитала подруга.

Я заплакала еще горше, пыталась рассказать что-то, но рассказ получался вразнобой!

Всхлипывая, я крутила телефон в руках. От Коли – ничего: ни звонка, ни строчки. От Платонова – тоже!

Только ватсап чат частной клиники взрывался новыми сообщениями каждую секунду.

Трынь-трынь-трынь…

– Успокойся, успокойся! – захлопотала вокруг меня подруга. – Расскажи все по порядку. Соберись с мыслями, вот чаек выпей. Он крепкий, с сахаром…

Я отхлебнула переслащенного чая, потом еще съела две ложки меда, начала всхлипывать уже не так часто и собирала мысли в кучу.

Чат больницы все пополнялся и пополнялся новыми сообщениями. Это был большой чат на тридцать человек. Сначала он был рабочим среди бухгалтеров, юристов и администрации, но временами там начинался флуд и тогда флуди-

ли все: от курьера до главной бухгалтерши Алевтины Гавриловны.

Я просто открыла чат и, прочитав всего несколько сообщений, вскочила, как ужаленная.

– Лена, беда… Ой, беда!

– Что случилось?! – встрепенулась подруга, перепугавшись не меньше меня.

– П-п-п-п…

Я начала заикаться, не в силах произнести вслух фамилию Платонова, протянула подруге телефон с открытым чатом, где бурно обсуждали скандальные сплетни.

Кто-то из центральной больницы, где Платонов был ведущим хирургом-травматологом, слил информацию.

Платонов вышел в субботу, на подмену, и рухнул без чувств, как столб, во время обхода.

Он не приходил в себя, его перевели в реанимацию.

Завсегдатаи чата строили догадки, а кое-кто даже злословил, что Платонов допился, и намекали: мол, не только допился, намекали на дурное…

Ой, что я наделала! Все это зелье, проклятое…

Меня тоже после него штормило.

Я целые сутки провела в ванной, спала, там, как дворняжка, и даже не помнила этого, а босс еще на основную работу вышел!

Я хорошо помнила, что в частную клинику в пятницу, он заявился после суток дежурства, не отдыхал ни капельки, за-

то провел черт знает сколько часов, занимаясь со мной сексом!

Наверное, сердце взрослого мужчины нагрузки не выдержало, забеспокоилась я.

Платонов без остановки, как робот-трудяга, сексом со мной занимался, а возраст уже не тот…

Надо бы навестить его в больнице!

– Уля, постой! Уля, я ничего не понимаю!.. – прискакала в зал подруга, глядя, как я искала в шкафу одежду.

Натянув длинный сарафан, я набросила поверх него вязаный кардиган, всунула ноги в кеды, схватила сумочку и побежала.

– Надо его навестить!

– Уля, объясни по-человечески. Кого навестить? Что стряслось?!

– По дороге все объясню, обувайся!

Лена быстро натянула слипоны и выскочила следом за мной.

– Бегу-бегу! – заверила меня и спросила через два пролета. – А куда мы бежим?!

– К нему?

– Ага, поняла, а он – это кто?

Я хотела ответить, что Платонов – это тот, с кем я вместо Коли переспала, но не успела.

Едва я дотронулась до двери подъезда, как она распахнулась, и я буквально вывались наружу.

Прямиком в объятия жениха!

– Коля?

Я не могла поверить своим глазам: передо мной стоял жених. С букетом цветов. Вернее, букет цветов валялся на асфальте, наверное, потому что Коля подхватил меня. Честно говоря, все слишком быстро произошло, я не успела заметить, просто предположила, что именно так и было!

– Привет, Ульяна.

– Забавно получилось, ты дверь дернул, а я на тебя… упала, – прошептала я, как всегда, немного робея перед женихом.

Коля у меня вон какой замечательный – высокий, широкоплечий, темноглазый! Все девки деревни по нему сохли, а он со мной был обручен с самой школьной скамьи.

Коля всегда был симпатичным, после переезда в столицу поработал над стилем. Он изменил прическу: отрастил волосы и красиво укладывал их гелем для волос, то на одну сторону, то на другую, то небрежно зачесывал назад.

Коля одевался в костюмы, всегда носил рубашку без галстука. Словом, он выглядели привлекательным и был очень умным. Думаю, не зря Алевтина обратила на него внимание и приблизила к себе своим личным помощником.

Я знала и верила, что у Коли впереди было хорошее, блестящее будущее. Хотела бы я быть ему ровней, но мои родители были не такие состоятельные, как родители Коли – хорошие, добрые люди! Не посмотрев на различия в состоя-

нии, они обручили меня с Колей, как договаривались много лет назад, дружили тесно с моими родителями.

– Здравствуй, Ульяна!

Я повернулась к жениху левой щекой: он всегда целовал меня в левую щеку при встрече, правую щеку не целовал, говорил, там конопушек слишком много, чистого места не найти.

Разумеется, при встрече он меня целовал, если мы были не на работе. Там Коля был строг, не проявлял свои чувства и чурался моих чувств, постоянно одергивал, если я просто задерживалась рядом с ним.

– Где ты была? – прямо, с претензией, спросил он. – Я тебя потерял, ждал тебя в гости, как обычно.

– Прости, Коля… Я задержалась.

– На сутки? Квартира стоит неприбранная, стирки собралась целая гора. Ко мне сегодня вечером должны прийти важные друзья, а на квартире – бардак! – недовольно поджал губы Коля. – Приберешься?

Коля снимал большую квартиру с модным дизайном. Там было две комнаты, мы могли бы жить вместе тайком от родителей, они бы ничего не узнали. Но вместе мы не жили, Коля был человеком чести и тоже ждал нашей свадьбы. Я помогала Коле вести домашнее хозяйство, приходила к нему один раз в два дня, готовила, стирала, прибирала.

Коля всунул мне в руки ключи.

– Только с новой акустической системой поаккуратнее! –

он снова клюнул меня в щеку и собирался уйти, даже про цветы ничего не сказал и не поднял букет.

– Коленька, я не смогу прибраться в твоей квартире сегодня, прости.

– Чтоооооо?! – нахмурился и протянул удивленно.

– Бежать надо.

– Куда? Зачем? Что за срочность, будь так добра, объясни своему жениху! – потребовал он.

Я вспомнила, как бесстыдно стонала, когда Платонов вылизывал меня между ног, и как громко кричала, когда он брал меня, испытала жгучие угрызения совести. Какой же после этого Коля мне жених? Нехорошая я… Не важно, каким образом, но я обманула доверие и запятнала чистоту наших клятв. Придется, рассказать ему и разорвать помолвку.

Но делать это прямо сейчас я не могла. Нужно найти подходящие слова и подготовиться!

– Коля, меня повысили, представляешь? – внезапно выпалила я. – А босс внезапно в больнице очутился. Говорят, там что-то серьезное…

– Босс? Повысили?! – Коля округлил глаза и смотрел на меня удивленно. – А ты ничего не путаешь?

– Не путаю. Вита Сергеевна не может на работу выйти, я буду вместо нее.

– Аааа… – кивнул. – Временная замена. Подожди радоваться, Ульяна. Когда займешь приличное место повыше на постоянной основе, тогда поздравлю. Ты на квартире прибе-

ри, окей? Потом хоть к черту на рога отправляйся! – попросил он и собрался уйти.

В другой раз я бы сделала, как он велел, отправилась бы на остановку метро, ехала через половину города, сменив несколько веток, только чтобы прибраться в квартире жениха, а потом точно так же ехала обратно в крохотную хрущевку, но сейчас не могла этого сделать.

Наверное, понимала, что разрыв должен случиться и не собиралась тешить себя мечтами, убирая квартиру Коли. Я всегда представляла, будто мы муж и жена, а я занимаюсь уборкой, как подобает хозяйке дома…

Теперь я понимала, что мои мечты тщетны, и почему-то показное равнодушие Коли задевало сильнее, чем обычно. После того, как Платонов меня отхлестал словами, я вообще на все реагировала острее. Мой взгляд зацепился за букет цветов.

– Коль, ты даже букет мне не отдашь?

Он обернулся:

– Букет? А это не от меня, он уже здесь валялся. Наверное, до мусорки не донесли.

Я присмотрелась и поняла, что Коля был прав: цветочки уже пожухлые.

Мне даже не было стыдно, что я так ошиблась насчет Коли, просто погас еще один огонечек в груди. Поэтому я решила не тянуть и порылась в сумочке, вынула брело с ключами от его квартиры и протянула, вложив парню в ладонь.

– Возьми ключи, Коля. Не знаю, сколько времени придется провести в больнице. К тому же не уверена, что с новой должностью у меня останется время на дополнительную уборку на другом конце города.

– Не понял! – с лица жениха схлынула краска. – Ты не будешь прибираться, что ли?

– Не хочу давать ложные обещания, что успею, Коль. Может быть, ты сам быстро приберешься? Вещи собери в корзину с грязным бельем, загрузи посудомойку и с пылесосом пройтись… Уборка немного времени занимает!

– А ванну помыть? А унитаз почистить? – скривился.

– Ну, унитаз и унитаз… Ты в деревне коровьи стойла от навоза тоннами вычищал, а тут беленький унитаз, протер его щеткой, он и чист. Ерунда, Коленька. Я знаю, ты рукастый парень, справишься и без меня! Извини, бежать пора!

Коля стоял, смотрел на меня, выпучив глаза, потом неожиданно пристально посмотрел на область декольте и выматерился:

– Это что, блять, такое?! Засос?

Я не успела прикрыться. Коля шагнул ко мне, дернул платье, увидел еще и на шее засос и совсем рассвирепел:

– Значит, вот где ты больше двух суток пропадала! С кем ты была? Где блядовала, отвечай?! – затряс меня, как дерево с яблоками.

Его лицо покраснело, приобрело зверское выражение, а глаза совсем потемнели.

– Ты совсем, что ли, Горелов! – вмешалась Лена. – А ну отпусти ее… Что ты там увидел?

– Засосы! – взвыл Коля.

– Это мошкара покусала, аллергическая реакция пошла! – выкрутилась Ленка. – Ты ее еще вчера не видел, там вообще шишаки были. Отпусти!

Боже, лучше бы молчала! Зачем попыталась соврать и выгородить меня?!

– А ну молчи, шаболда! – прикрикнул Коля. – Ты тоже хороша, Ульяна… – скривил полные губы презрительно. – Нашла, у кого жить. Вся деревня знает, что Ленка Шатохина еще пять лет тому назад, с кем только не водилась! Че, научилась у нее мужиков на передок ловить?!

– Коля, это некрасиво, так кричать! – шепотом сказала я, заметив, как на первых двух этажах хрущевки у некоторых окон появились любопытные.

– А ну-ка пошли… – дернул меня Коля в сторону подъезда. – Давно пора было это сделать!

– Что сделать?

– Буду женщину из тебя делать! Заодно проверю, мошка столичная тебя покусала или нет! – рявкнул он, хлопнув дверью.

Коля пронесся как ураган, на четвертый этаж, рванул из моих рук сумочку, отпер дверь и затолкал меня в квартиру.

Я уже и забыла, что он такой сильнющий! Но сейчас вспомнила, как лихо он перекидывал сено тюками, модный

пиджак того и гляди – треснет на широченных плечах!

– Раздевайся! – жених толкнул меня к дивану и начал раздеваться сам. – Живо!

– Коля, постой…

– Я сказал: раздевайся! – рявкнул и, не дожидаясь моих действий, рванул сарафан вверх по ногам.

Глава 8

Ульяна

Сарафан задрался вверх по ногам, взгляд Коли потемнел еще больше, взбираясь следом за подолом длинного сарафана, и сосредоточился на моих бедрах.

– И там засосы! – шумно, со свистом выдохнул воздух через стиснутые зубы мой жених.

Я знала, что с внутренней стороны бедер у меня тоже красовались засосы. Платонов оказался ненасытным любовником и даже мои бедра целовал без конца… Всюду оставил следы!

– Тебе и на ногах засосы оставили! Где еще? – затряс надо мной кулаками жених.

Внезапно я разозлилась: а чего он хотел?! Несколько лет меня игнорирует, только целует иногда. Раньше я думала, что мое сердечко лопнет от избытка жара в его редких поцелуях – они все были для меня, как праздник.

Но сейчас, после ночи, проведенной с мужчиной, я понимала: не было в тех поцелуях Коли огня. Не было, и все тут! Он целовал меня, как в обязаловку. К тому же, если быть честной, я всегда настаивала на поцелуях сама, а он словно

делал мне одолжение.

Это ранило меня, я пыталась делать вид, что просто жду, когда сыграем свадьбу, верила, что пауза и дистанция необходимы.

Но сейчас больше не могла себе врать: я же видела, как Коля смотрел на бухгалтершу, и теперь-то уж точно поняла, почему он себя в ширинке постоянно одергивал рядом с ней.

Мужское достоинство у него каменело и твердело до неприличия при взгляде на другую женщину. То есть ее он хотел, а меня – нет! Еще и ухлестывал за этой взрослой женщиной, которая годилась ему в матери!

Это все закипело, заклокотало.

Конечно, я чувствовала себя виноватой в измене, но, положа руку на сердце, я могла сказать, что не хотела обманывать Колю и собиралась разорвать помолвку с ним!

Я хотела поступить по совести, не желала никому зла и не планировала обманывать его доверие!

Вина была, тяжкий груз вины лег на сердце, но искреннего возмущения было намного больше. Поэтому я неожиданно дерзко выпалила:

– Меня всюду целовали, во всяких местах засосы оставили! Даже в тех, куда бы тебе и голову не пришло меня целовать!

При последних словах я вспомнила, как Платонов мне даже попу лизал немного, и заалела.

Коля, услышав мои слова, на несколько секунд впал в сту-

пор. Я успела встать и одернула сарафан, отошла от него на метр.

– Коля, тебе нужно уйти. Между нами все кончено, я…

Он резко подошел ко мне и толкнул в угол:

– А ну иди сюда, паскуда! – прошипел он, резко вынув ремень из петелек. – Сейчас я тебя проучу, узнаешь, что бывает, если решаешь стать шлюхой!

Я посмотрела на ремень в его сильных руках и обомлела.

– Ты меня бить, что ли, собрался?! – удивилась.

Он сложил ремень вдвое:

– Надо тебя проучить! – и звонко хлестнул по ладони.

Он стоял рядом, широко расставив ноги, и я что было сил, пнула его промеж ног:

– Меня отец не бил, и ты не будешь!

Коля такой подлости от меня не ожидал. Парень глухо застонал, захрипел, загнулся, выпучив глаза. Он придерживал руками свое ушибленное хозяйство и хватал воздух ртом. Я оттолкнула его, он повалился на пол и лежал, поскуливая. Что сказать, я ударила от всей души, не пожалела его детородные органы!

– Ульяна, держись! Отпусти ее, урод! – раздался боевой клич и в комнату вбежала подруга со шваброй в руках наперевес.

Лена вбежала и застыла, посмотрев на Коля, катающегося по полу:

– А что это с ним?

– Он хотел меня отлупить. Ремнем! Я его и пнула…

– Ты ему по яйцам ногой врезала?!

– Сам напросился!

– Не завидую, – охнула Лена. – Мой младший брат говорит, у тебя нога тяжелая, когда вы всей улицей в футбол гоняли, у него вечно были ноги синие!

Я взяла ремень, валяющийся на полу, выбежала на балкон и выкинула его на улицу, чтобы Коле не пришло в голову снова угрожать мне избиениями.

Мой бывший жених сел с трудом, охая. По покрасневшему лицу Николая Горелова градом катились слезы.

– Ты… рыжая… совсем дура? Ты ремень ла коста выкинула!

– Да хоть какой он был. Уходи, Коля. Уходи, помолвки больше нет! – я стянула кольцо и вложила в нагрудный карман пиджака жениха.

Хоть Коля и был крепким, спортивно сложенным парнем, но бросаться еще раз на меня с кулаками не спешил. Он охал, придерживаясь за свой пах, и смотрел на меня сквозь мутные слезы.

– Дура… Дура, быстро кольцо взяла и надела обратно! Твой последний шанс! – заявил он.

– Извини, не могу. Не выйдет у нас с тобой хорошего брака.

– Это я тебя бросаю, поняла? – разозлился Коля и вытер рукавом пиджака лицо. – Был у тебя последний шанс! Был…

Теперь я тебя перед всеми ославлю, как подстилку! А твои родители будут обязаны долг вернуть в кратчайшие сроки!

– Какой долг? – с лица схлынула краска.

– Такой, – ухмыльнулся Коля и поковылял к двери, осторожно переставляя ноги. – Помнишь, как склад горел? Твой батя был виновен…

– Ты, бессовестный, не смей моего отца обвинять в том, чего он не делал! Все в деревне знают, то лето было сухое, огонь просто перекинулся от ветра. Много домов сгорело! Мой отец не причем! Его оправдали! Он вообще половину товара вынес, обгорел сильно, в больнице лежал, почти год восстанавливался!

– Ну-ну… Только долг остался! У кого, думаешь, мамка твоя денег на лечение брала? Просто так его, что ли, в хорошую клинику устроили?! Ничего подобного! Мой батя спонсировал лечение… – рассмеялся хрипло. – Тебя родители за меня засватали, как залог, что все деньги будут выплачены… Теперь ты вон чего учудила! Увидишь, какая будет реакция!

Я стояла, словно мертвая! Вспомнила события шестилетней давности: тяжелое было время. От аномальной жары летом сгорели несколько домов, были жертвы. Сгорел и старый продовольственный склад, хозяином которого были зажиточные родители Коли. Папа на том складе сторожем подрабатывал.

Отец сильно обгорел, когда пытался хоть что-то вынести и спасти во время пожара. Потом он долго в больнице лежал,

мама к нему постоянно моталась. Когда отца выписали, меня сосватали за Колю. Я была на седьмом небе от счастья: родители вернулись домой, и самый красивый парень, на которого даже девчонки постарше глазели, теперь считался моим женихом…

Неужели все было так, как говорит Коля? Надо будет спросить у родителей!

Коля тем временем доковылял до двери и просипел из коридора:

– Даю тебе неделю на раздумье. Не приползешь с извинениями – пеняй на себя!

– О чем это он говорит? – спросила Лена.

Я махнула рукой:

– Бредит!

– Я только по слухам знаю о пожарах в те года, – пожала плечами Лена.

– Да, ты же на учебу уехала, – кивнула я головой.

Ленка Шатохина жила на соседней улице, старше меня на два года, поэтому уехала учиться раньше. Мы с ней дружили, поддерживали связь. Поэтому, когда встал вопрос, с кем снимать квартиру, я сразу обратилась в ней. Шатохина была только рада новой соседке взамен прошлой, нечистой на руку.

– Коля вообще был на себя не похож! Я и не знала, что он такой ревнивец! – удивилась она.

– Дурак он, а не ревнивец. Сам с взрослой женщиной на

работе путается, заглядывается, но ждет от меня верности.

– А ты уверена, что он с ней спал? Может быть, не было ничего?

– Видела бы ты, как он на нее смотрел!

– Глазам смотреть не запретишь… – возразила Лена.

– Ну ты, чего? Тоже меня виноватой сделать хочешь? Я знаю, виновата я, вины своей не отрицаю. Не надо было слушать твои рассказы про приворотное зелье! – вздохнула я.

– Так оно рабочее, вроде, оказалось? – поинтересовалась она осторожно.

– Рабочее, сутки из койки вылезти не могли. Но хорошему человеку после него плохо стало, я и сама думала, что помру… Однако я эту хворь легче перенесла, а ему совсем худо.

– Кому ему? Ты так и не объяснила.

– Платонову, хирургу и директору нашей клиники.

– Платонову? Старик, что ли?! – ахнула подруга. – Ой, зачем ты к старику целоваться-то полезла!

– Какой еще старик? Не старый он! Взрослый просто…

– Платонов не старый? – фыркнула подруга. – Я же уборщицей в кардиологическом институте работаю, так там весь персонал гудит: сам Платонов с осени будет лекции читать! Приехал подписывать договор… Его фото висит в коридоре: важный такой старик!

– Тьфу, Ленка, ты все путаешь! Ты говоришь про деда Платонова! А я тебе рассказываю про Платонова Андрея

Викторовича, его внука.

– Андрей Викторович? Платонов? И тоже хирург?

– У них вроде все мужчины в семье – врачи. С Андреем Викторовичем я пересеклась, не со стариком. Не надо здесь лишнее фантазировать!

– Пересеклась, – рассмеялась подруга. – Видимо, много раз! Значит, рабочее зелье!

– Платонов в реанимации. Очень рабочее! – сказала я сухим голосом и попыталась привести в порядок лиф сарафана, который болтался на мне.

– Извини, я не хотела! – выдохнула Лена. – Поехали, узнаем, как он. Только переоденься. Твой ревнивый жених весь сарафан разодрал. И снизу, и сверху. Теперь только на выброс…

– Сейчас одену, найду что-нибудь… Только у меня стирки гора, машинка же на ремонте, а руками я не успела постирать много.

– Сейчас дам тебе одежду!

Подруга побежала к шкафу и вытащила платье – нежно зеленое, юбка в виде тюльпана, с белым широким тканевым пояском.

– Возьми мое платье! – предложила Лена. – Пояс потуже затянешь, на тебе хорошо будет смотреться. Можешь на совсем забрать, мне оно в груди тесновато стало!

– Оно же короткое! – ахнула я. – Все колени будет видно.

– Ну, и пусть будет видно. Тебе-то что! Ты больше не Ко-

лина невеста, не надо носить платья в пол или длиной ниже колена. Спорить некогда, одевайся, если хочешь своего ненаглядного любовника увидеть.

– Он не мой. И вообще, меня такой формат отношений не привлекает.

– Такой – это какой? – навострила уши подруга.

Я быстро переоделась, затянула платье поясом.

– Волосы распусти, засос не будет видно, – посоветовала Лена и помогла убрать самые мешающиеся пряди на затылок, закрепив их заколкой, но оставив основную массу волос распущенными по плечам.

– Теперь побежали, – предложила подруга. – По дороге расскажешь, что именно твой молодой Платонов предложил? И вообще расскажи, какой он? Красавчик? Фото есть?

Мы выбежали из подъезда. Заметив вишневую Kia прямо на выезде из «коробки», я немного затормозила.

– Давай с другой стороны пойдем?

– А что?

– Ну, сама посмотри, – кивнула я в сторону вишневой Kia. – Коля еще не уехал.

– Боишься? Думаешь, он посреди людного двора на тебя накинется?

– Людный двор? Посмотри кругом. На детской площадке две мамочки с колясками, бабулечка голубей возле мусорки кормит, и таджик двор выметает! Не думаю, что кто-то кинется мне на помощь, если этот буйный снова вздумает руки

распускать! Давай дом кругом обойдем.

– Кушарами, что ли? Платье испортишь, ноги расцарапаешь, там шиповник разросся.

В это время дверь Kia открылась, из машины вылез Коля и демонстративно достал из кармана что-то, как будто закурил. Он посмотрел в мою сторону и даже не донес руку до рта, застыл, разглядывая.

– Все, он нас заметил. Теперь даже кушарами не сбежим! Догонит, в бараний рог скрутит! Кулаки у него огромные! Я уже и забыла, какой здоровенный лоб этот Горелов! – вздохнула Лена.

Коля сверлил меня любопытным взглядом, словно впервые увидел.

Он рассматривал меня заинтересованно, скользнул на ноги, задержал взгляд на коленях, спустился ниже и вновь поднялся, заострившись на груди, обтянутой тканью нового платья.

Что же делать?

Мне нужно было попасть к Платонову, совесть мучила и не давала покоя. По незнанию и нелепой случайности я навредила человеку – пусть не очень приличному мужчине, но отличному специалисту!

Просто так вернуться я не могла! К тому же мне не хотелось жить, как в осаде.

– Пошли, – решилась я.

– В шиповник? – уныло спросила Лена.

– Пусть Коля сам идет в шиповник, желательно с голым задом! Ему такие изысканные развлечения с детства знакомы. За плохие отметки его отец как-то крапивой по голой заднице протянул, помнишь?

– Неа, не помню! Не могу поверить, что Коля получил таких люлей! Горелов сына прям так по заднице и протянул крапивой?

– Протянул, еще как протянул! Коля итоговую тройку по алгебре принес. Отец не посмотрел, что сыну тогда уже четырнадцать было, как стянул с него брюки вместе с труселями, и во дворе отлупил!

– Теперь понимаю, почему не в курсе! Я в то время в областной больнице лежала, с аппендицитом. Ну и ну! Колька всегда был здоровым. Неужели четырнадцатилетнего бычка по жопе отхлестали?! – захихикала Ленка.

– Отец у него еще здоровее!

– Почему ты мне о таком не рассказывала?

Ленка захихикала.

– Как-то не к месту было, – просто отозвалась я и поневоле тоже захихикала, вспомнив, как Коля потом вскочил с задницей, покрытой волдырями.

Коля насторожился и еще пристальнее начал смотреть на меня и на подругу, закурил быстрее, словно занервничал.

Я смотрела на него и пыталась придумать, как поступить.

Честно говоря, я не знала, что от него можно ожидать.

Почему Коля не уходит? Чего выжидает?

– Кажется, Коле платье понравилось, – толкнула меня локтем Ленка.

– Да ну…

– Ест тебя глазами!

Неужели ревнует?

Наговорил гадостей, едва не избил меня, а теперь смотрит на меня, как на свою собственность, и гневно дырявит темным взглядом!

Глава 9

Ульяна

Я опасалась подойти близко, но и вернуться в квартиру тоже не могла. Надо было проведать Платонова в больнице, выяснить, как у него дела.

– Шел бы ты, Коля, по делам! К бухглатерше своей, – ругнулась я под нос.

– Ага, побежит он! Сегодня воскресенье! – вздохнула Ленка. – Отчеты сдавать не надо…

– Пусть на дом работу возьмет! – возмутилась я. – К вечеринке готовится, в конце концов. Сам же сказал, бардак в квартире.

– Ждет, что ты извинишься? – предположила Лена. – Или подарок вручить тебе хочет? На юбилей… – подсказала.

Ох уж этот юбилей, вздохнула я.

– С прошедшим тебя! – осторожно заметила Лена.

– Угу, спасибо. Надо еще маме с папой перезвонить, видела от них кучу пропущенных.

– Отмечать будем?

Я переминалась с ноги на ногу.

Прошло целых два года с момента трагической гибели мо-

его старшего брата – Дениса. Он погиб прямо на мой день рождения.

До сих пор помню, как мы ждали его к семейному ужину, как стемнело во дворе и начала виться мошкара и комары над тортом с розочками. Так мы и сидели – семья, друзья, Коля с родителями тоже были за длинным столом, поставленным во дворе перед домом. Мы прождали до глубокой ночи, пока не узнали, что Денис разбился на опасном повороте, вылетел с трассы.

На том месте постоянно были ужасные аварии, потом местные власти закрыли дорогу на ремонт, но еще ничего не сделали. Всех пускают в объезд.

Прошло целых два года, столько всего случилось…

Но ощущение потери до сих пор угнетает, потому и не праздную.

Еще хуже себя чувствую от того, что даже память родного и любимого человека не почтила, как следует, провела эти сутки в любовном угаре, как животное какое-то.

– Знаешь, наверное, не буду праздновать, – проглотила слова. – Вся эта ситуация ужасная, мне тошно, что я обо всем забыла! Сама не своя была…

– Под действием зелья? – с сомнением спросила Лена. – Надо еще раз к этой бабке съездить!

– Зачем?! Ноги моей там больше не будет! Шарлатанка она… Обыкновенная. Я вообще на нее заявление в полицию напишу.

– За что? На каких основаниях?

– Незаконная предпринимательская деятельность, например! Или еще что-нибудь. Вредительница она! – выпалила я с досады, понимая, что ничего, тем не менее, не добьюсь, а если пойду в полицию с заявлением – меня вообще на смех поднимут!

Если не упекут саму за решетку, подумала я с неприятным холодком в животе.

Мало ли…

Ведь именно я дала Платонову кофе с убойной дозой приворотного зелья…

Нехорошо получилось! Дурно, откровенно говоря!

Голова пошла кругом: сколько проблем из-за одного действия… Дел – целая гора, а тут… этот Коля – нарисовался, проходу не дает!

Еще и направился в нашу сторону.

– Что будем делать? – шепнула побледневшая Ленка. – Не знала я, что Коля таким ревнивым окажется, на дыбы встал. Давай обратно вернемся? Пересидим… Он уйдет, надоест тебя караулить!

Но наше счастье во двор закатилась газель с надписью: «Дом мебели» на кузове и просигналила громко. Из окна высунулся мужчина.

– Твоя машина? Отгони легковушку! – попросил он Колю. – Проехать мешает!

Коле пришлось оставить затею и отгонять свой седан в

сторону.

– Двинули! – сказала Ленка. – Или возвращаемся!

– Нет, не могу. Побежали!

Мы время быстро-быстро прошмыгнули мимо и благополучно добрались до автобусной остановки. Подруга оттянула меня в сторонку от толпы и спросила:

– Теперь скажи, какие отношения тебе предложил Платонов? – зашептала она.

– Никакие! – ответила я резко и поджала губы, словно обиделась на этого ужасного бабника. – Секс ему подавай и новые горизонты, – добавила горько.

– Это какие? – удивилась Лена.

– Это всякие… неприличные штуки. Даже говорить ничего не хочу! Я вообще хочу, чтобы он, как можно скорее, пришел в себя, и все на этом.

– А повышение?

– В мое повышение никто не верит, даже Коля, – усмехнулась я.

– Коля – дурак. Даже если ты ему Нобелевскую премию принесешь, все равно будет считать себя лучше всех остальных. То есть на повышение не пойдешь?

Я подумала немного, внезапно ощутила, как на меня кто-то пристально смотрит, и повернулась. Парень, сидевший на скамейке, подмигивал мне, разглядывая во все глаза, пялился на мои ножки.

По-хорошему, надо бы уехать… Но тогда придется жить

в деревне и слушать, как обо мне разрастаются слухи, один другого ужаснее! Коля точно от обиды может сплетни запустить, и через какую-то неделю про меня будут говорить всякое… Никакой жизни не станет, будущего – тоже. Кем я там работать буду? В контору Колиного отца путь мне будет заказан, а он зажиточный – у него и магазины деревенские, и склады, со всеми частниками он в хороших отношениях. Слово поперек скажет, тогда, наверное, даже на доильной работу не найти.

Поэтому я решила для себя:

– С чего ты решила, будто я не пойду на повышение? Пойду! Вита Сергеевна все равно на больничном!

– А как же всякие неприличные штуки?

– У Платонова целая коллекция. Уверена, он найдет, с кем открывать горизонты. Лишь бы только на ноги встал, – вздохнула я.

* * *

Андрей

– Очнулся! – прощебетал радостный голосок.

– Тшшш… – прохрипел я. – Не ори! Не ори ты так…

С трудом открыв глаза, я сощурился от слишком яркого

света.

– И шторы закрой, – потребовал я.

– Сейчас врача позову! – отозвалась девушка.

Ее голос был знакомым, точно кто-то из персонала центральной больницы, но кем именно она была, я не мог понять, с огромным трудом приходил в себя. Проморгавшись, как следует, я обнаружил вокруг себя суетившийся персонал: всех знал по именам и кличкам, знал привычки и рабочие особенности, поскольку трудились в одном коллективе. Но сейчас они были по одну сторону ситуации, а я – по другую, в роли пациента.

– Стабилен, переводим в обычную палату.

– В обычную? – засомневалась медсестра. – Забыл про особое распоряжение Балановского?

Я весь обратился в слух: упомянули директора нашей клиники, Балановского Сергея Дмитриевича. Всуе имя его не упоминали!

– Забыл. Катим в отдельную!

Меня лихо покатили в отдельную палату, разместили с максимальным комфортом.

– Что стряслось? – схватил за руку медсестру Тамару.

Она вздохнула:

– Поправляйтесь, Андрей Викторович!

– Я здоров, чего мне поправляться?

Но признаюсь, голова была пустой, звенящей, а тело такое слабое, почти без сил. Желудок сосало от голода.

– Полежите пока, вам положено.

– Поесть когда принесут?

– После обильного промывания? Не смешите! На водичке и на бульоне посидите, – махнула Тамара.

– Так, стой! Последний вопрос… Времени сколько?

– Одиннадцать пятьдесят, понедельник.

– Понедельник?

Я чуть не подпрыгнул.

– У Москвина Никиты операция на девять была назначена.

– Лежите, Андрей Викторович, операцию сейчас проводит Величко Георгий Александрович.

– Я… Я должен был оперировать! Сейчас встану и пойду.

– Андрей Викторович, вы в субботу во время обхода рухнули, как мертвый. Пять минут назад с реанимационного вас перевели! Какая операция?! И вообще, сомнительно, что вам позволят… – не договорила медсестра и быстро упорхнула.

– Так, а ну иди сюда! Что там сомнительного, а?!

Дверь закрылась. Пришлось рухнуть на кровать. Я вспомнил все, что было в субботу: хорошо помнил, как заступил на смену по просьбе коллеги, пошел на обход, а потом – бац! Как отрубило…

Что за ерунда?

Подумать, как следует, на эту тему я не успел: в палату вошел сам Балановский Сергей Дмитриевич, директор боль-

ницы.

– Не вставай, лежи, – поприветствовал скупо и сел в кресло.

– Дмитриевич, а чего ты такой постный? Кажется, из нас двоих я валяюсь на больничной койке, фиг знает по какой причине?

– Делаешь вид, что не знаешь?

– Просвети. Только не говори, что меня пора списывать по состоянию здоровья. Сердце работало всегда безотказно!

– Одно могу сказать точно, Платонов. Я временно отстраняю тебя от исполнения обязанностей ведущего хирурга. Пройдешь переподготовку, сдашь наркологию, потом посмотрим, – добавил и поджал губы. – Может быть, в штат снова возьму.

– Чтоооооо?! Дмитриевич, ты с дуба рухнул?

– Хватит изображать непонимание! – побагровел мужчина. – Ты меня по-крупному подставил, Платонов! Нашу клинику теперь в министерстве «на карандаш» взяли, проверками затрахают, а все из-за тебя!

– Из-за меня?!

– Из-за тебя! – кивнул. – Ну не корчь ты из себя святошу, Платонов! Я понимаю, мы все не без греха. Но если ты употребляешь, так хоть не перед сменой! – прошипел.

– Объясни по-человечески, Дмитриевич.

– Есть тайные покупатели, в курсе?

– В курсе, конечно, но причем здесь это?

– Ну вот, есть тайные покупатели, а в нашей больнице, оказывается, на протяжении последней недели курсировал так называемый тайный пациент из министерства.

– Паскуда.

– Под видом обычного пациента, ничем себя не выдавая, он посещал специалистов, сдавал анализы, ждал на приемах… Составлял отчет о работе больнице и нарушениях в работе медперсонала. Все как всегда, никаких серьезных нарушений сверх меры обнаружено не было. Все было в пределах нормы ровно до того момента, как ты рухнул и наделал очень много шума, в реанимацию загремел. Из министерства заинтересовались, внимание было самое пристальное, сам понимаешь!

– Ну?

– Что «ну»? Выкатил ты нам подарочек, Платонов. Токсикология такой список дала! Тут тебе и алко, и нарко, и даже конский возбудитель. Впрочем, последнее не мое дело, кто как может, так и справляется с кризисом среднего возраста. Но нарко… Платонов! Я стоял за тебя, как мог, но с такой картиной был вынужден принять меры и показать, что мы подобное поведение не приветствуем!

– Какое нарко, Дмитриевич?!

– Тебе самому лучше знать.

– Я ничего не употребляю.

В ответ директор развел руками и присел поближе, наклонился:

– Ты мне тут не чеши, Платонов. На прошлый корпоратив ты водку пил, как воду, а потом травку курил.

– С тобой же пыхал, Дмитриевич! – шепнул я. – Ну чего ты…

– Забудь! – выпрямился директор. – В общем, прецедент случился, я отреагировал. Ты временно отстранен. Пройдешь переподготовку, сдашь все анализы, может быть, обратно тебя в штат на рядовую должность возьму.

– Дмитриевич! Ты меня сейчас без ножа зарезал! Несправедливо!

– С таким списком, который у тебя в крови нашли, я бы особо ничего не требовал, Платонов. Радовался бы, что легко отделался!

– Чем, Дмитриевич? Ты меня хлеба лишаешь.

– Ну не свисти мне, Платонов. Не корчь из себя голозадого оборванца. Все же знают, что ты при деньгах! Доход от собственной частной клиники явно выше, чем зарплата ведущего специалиста в государственной больнице. Верно я рассуждаю?

– Давай не будем о деньгах? Это неправильно… Откуда у меня в крови наркота взялась? Признаю, прихлебнул немного коньяка в пятницу. Но то было после ухода из центральной клиники, после завершения рабочей смены.

– В общем, не мое дело, Платонов. Я знаю, ты сейчас будешь все отрицать, а я говорю тебе как есть.

– Как есть, значит? Дмитриевич, я десять лет тебя знаю.

Десять лет! Вот, значит, как ты за меня боролся!

– Боролся, как мог. Но на кон встала и моя карьера. Если бы я выгораживал тебя до последнего, меня самого потом вышвырнули бы с хорошей должности. Все ясно?

– Своя шкура ближе к телу. Ясно, конечно. Значит, я персона нон-грата?

Директор больницы кивнул.

Епрст… Вот это я влип!

Глава 10

Андрей

– Вот только не надо из себя обиженку на весь мир корчить. Такой жуткий скандал вышел! Персонал подтвердил, что ты часто бываешь нестабильным… – добавил Балановский.

– Кто подтвердил?

– Не скажу.

– Скажи. Между нами останется! Кто последний гвоздь в крышку моего гроба вбил? Кто накляузничал?

– Не могу сказать, – вздохнул Балановский. – Мне еще с ним работать и работать! – добавил с недовольным выражением лица, явно был не в восторге, что придется иметь дело со стукачами.

– А ты не говори. Кивни или моргни, если я окажусь прав. Величко?

Директор быстро-быстро моргнул пару раз.

– Сука! – ругнулся сквозь зубы. – Я его научил всему, под свое крыло взял. Мало того, что он в мелочах оказался с гнильцой. Дрянь, как человек! Так еще и по-крупному подгадил! Поднялся по карьерной лестнице… За счет поднож-

ки мне.

И в этот момент меня озарило, буквально опалило догадкой!

Как все совпало: странные показания, проверка из министерства, пристальное внимание к моей персоне.

Меня подставили!

То дежурство было адски тяжелым, времени перекусить не было совсем.

Я добрался до полки с перекусом только к концу смены, и как раз заметил, что Величко мой термос с кофе переставлял с места на место!

Помню, как он едва ли не до самого потолка подпрыгнул, засуетился, сказал, якобы свой перекус искал.

Но все знают, что Величко – дармоед, никогда ничего с собой не принесет, но всех объест. Не зря я его в шутку Рабиновичем назвал – еврей еще тот!

Точно Величко мне эту дрянь подлил в термос. Нарко с конским возбудителем. Отомстил мне за шутку…

Как-то он на перекуре Величко поделился собственным опытом, мол, он как-то перед свиданием попробовал капли для увеличения мужской силы. Я его обсмеял, поднял тему небольшого члена. Вся больница потом подхватила слоган, ставший крылатым: «Главное, не какой длины, а сколько раз!»

Значит, Величко затаил обиду. Подготовился. Сразил меня тем же, над чем я в отношении него посмеялся! Уверен,

это он меня опоил. Не зря Величко мой термос своими кривыми пальцами трогал, подлил туда смесь.

Я осушил этот термос одним махом перед концом смены и подумал, что слабоват кофеек. Потом еще в частную клинику заглянул, выпил чашечку напитка. Крохотную чашечку кофе…

– Сука! Сука ты, Величко! – я затряс кулаками.

О, как мне хотелось свернуть шею подлецу, тихушнику!

Отомстил за шутку, на должности подсидел, мразь!

– Не кипятись. Платонов. Хватит шуметь, дошумелся. Веди себя тише воды ниже травы. Скандал с огромным трудом замяли, снова его не раздувай! Тебя вообще хотели лишить права оказывать любые… подчеркиваю, любые медицинские услуги. Скажи спасибо своему деду, он поднял свои связи в министерстве, вмешался.

– Дед вмешался?

Поневоле в голос прокрались трагические нотки. Если дед вмешался, значит, дело было крайне серьезным. Дед был категорически против любых вмешательств, всегда говорил, что каждый должен отвечать за свои ошибки сам! Но ради меня он не остался в стороне… Наверняка лекцию прочтет о моральном облике, о подмоченной репутации фамилии Платоновых. Мне самому от осознания этого стремно, на душе – камень!

Пиздец как стремно! Я обгадился перед одним из самых важных и дорогих людей – перед дедом!

– В общем, поправляйся, Платонов. Заявление на отпуск без содержания тебе принесут, подпишешь его сразу же. Считай, ты уже в длительном отпуске без содержания. После него в мою больницу без переподготовки и пройденной нарко, которая подтвердит, что ты чист, ни ногой!

– Дерьмо. Дерьмище… Блядь, ну и пиздец! – я выдавал маты один за другим, словно больше ни на что не был способен!

Директор встал и похлопал меня по плечу:

– Приходи в себя, Платонов. Посмотри на ситуацию с другой стороны – сходишь в отпуск. Сколько ты там уже не был?

– Ну-ну…

– И последний вопрос, – понизил голос Балановский, спросил уже не как директор, но как один из моих приятелей, коим он и являлся. – Скажи, ты хоть натрахался?

– Что?

– Конский возбудитель, как никак! – начал ржать в голос Балановский. – Ну? Стоял колом? Погарцевал, жеребец? – начал вытирать слезы.

– Для себя интересуешься? Тебе не поможет. То, что мертво, встать не может! – ответил я и стиснул зубы. – Вали, Дмитриевич. Иначе я тебя сейчас штативом для капельницы кокну.

– Пошел я. Дел полно.

– Ага! – кивнул, планируя, как отомстить Величко, который меня подставил и карьеру испоганил.

– Кстати, там тебя дожидаются. Пригласить?

– Дед, что ли?

– Не-а… Рыжая девушка. Семенова Ульяна.

Ульяна? Кузя… Елки!

– Сутки просидела в больнице, – добавил Балановский.

– Сутки? – удивленно выпал в осадок.

– Со вчерашнего дня дежурит! Пробивная… – поджал губы Балановский.

– Пробивная?

– Ага… Хотела о твоем состоянии узнать, но ей никто ничего не говорил: не родственница же! Так она зацепилась за какую-то мелочь, всем плешь выела, до меня добралась, чтобы ей рассказали, как у тебя дела. Говорит, помощница твоя! Это так? – поинтересовался Балановский.

– Так.

– А куда блондинку дел? У тебя же была такая вот!

Балановский жестом изобразил крупную женскую грудь.

– Вита на больничном, ногу подвернула.

– Ааа… Разнообразие – наше все! – ухмыльнулся. – Как она? Огонь?

– Кто? Вита?

– Да нет же, рыжая! Не красотка, но взгляд цепляется, ножки стройные, глаз не отвести. Оооочень симпатичные! Коленки такие, с ямочками! Анатомически правильные, я бы даже сказал!

– Греховодник старый, на ножки ребенка засматриваешь-

ся! – выпалил я с неожиданной желчью, сам от себя не ожидая такой бурной реакции.

Внутри все свело, скукожилось от мысли, что эти колени с ямочками кто-то разглядел! Эти колени с ямочками на моих плечах охренеть как хорошо лежали!

– Какой ребенок?! Ей, что, восемнадцати нет? – ахнул директор.

– Тьфу на тебя! Есть ей восемнадцать, но для тебя все равно ребенок. Дмитриевич, твоей младшей дочери лет больше, чем этой рыжей. Иди к себе, протирай задом кожаное директорское кресло!

– Ты главное не сказал. Звать или не звать?

– Зови, – кивнул я.

Бросил взгляд в сторону шкафа, поймал свое отражение. Многое я не разглядел, но хоть волосы пятерней поправил.

Дверь отворилась. В палату вошла она – свидетельница и участница моего грехопадения. Наивняшка Конопатенькая!

Вдруг решит, что у нас серьезно? Кажется, уже что-то такое плела, про родителей говорила! Надо бы еще раз ей все объяснить.

Но как?

Сказать: извини, девочка, я тебя трахал без остановки под действием препаратов?

Аж самому стремно… Выходит, я не стахановец интимной передовой, а ебался без передышки, как сбрендивший мартовский кот, из-за возбуждающих средств!

Так, стоп!

Со мной все ясно! Понятное дело, нижняя голова процессом рулила. Остановиться было не вариант!

Но почему конопатая позволила мне подобное?

Я хорошо помню, как она в машине кончила, стоило только притронуться к писюшке – там приключился обильный потоп!

Бросило в жар… Член отозвался напряжением.

Неужели остаточный эффект возбудителя срабатывает до сих пор? Дерьмово меня промыли, значит?!

Почему конопатая меня не остановила? Пыталась, конечно, но так вяленько, будто нарочно ломалась, больше хотела.

Играла в недотрогу?

Но девственница же была.

Словом, загадка.

Рыжая, конопатая… Вихрь огненный взметнулся внутри, одним цветом с буйной копной непослушных волос Ульяны.

Она шла прямиком ко мне!

Девушка буквально впорхнула в палату и полетела к постели, с испугом и тревогой в светлых глазах.

Черт… Что, если она…

– Андрей Викторович! – застыла возле кровати и глядела на меня, часто дыша. – Мне нужно вам кое в чем признаться!

Признаться?

На ум только одна мысль пришла. Собственно говоря, именно ее я и озвучил:

– Скажи, Ульяна, – прочистил горло. – Давно это у тебя? Давно ты в меня влюблена?

– Что?! – ахнула Ульяна и отшатнулась от моей кровати, покраснела густо. – С чего вы это придумали?

– Признаться хотела. Сколько ты на меня работаешь? Полгода? Полгода безответно влюблена? Слушай, я все понимаю. Внешность у меня привлекательная, харизма, мужской шарм, опыт…

Чем дольше я говорил, тем больше округлялись глаза Ульяны, став большими-большими, как чайные блюдца, только вместо чайного напитка там плескались голубые озера – чистые, глубокие и спокойные. Меня будто омыло их прохладной водой, но пыл не остудило, напротив, зажгло еще больше! Мужской орган окаменел до неприличия сильно, а ведь я ничего такого не думал.

Да, она сегодня какая-то другая – спокойная, собранная, но решительная. Я чувствую ее острее, чем раньше. Незатуманенное сознание легко расщепляет на составляющие ее эмоции.

Чувствую, что она робеет, но намерена пойти до конца.

И я бы до конца… до самого конца – глубоко в нее – и подвигался бы резко!

Но хватит с меня этой белиберды. Теперь ясно, что меня крыло от возбудителя обыкновенного, а у нее могут бурлить чувства. Безответная влюбленность…

Я намерен пресечь ее фантазии, чтобы она не придумы-

вала себе всякого и не ждала от меня всякой романтической чепухи вроде отношений и предложений руки и сердца. Этому не бывать. Точка!

– Андрей Викторович…

– Не перебивай, Кузя.

– Антон Владимирович, прекратите.

– Что?! Какой я тебе Антон Владимирович?

– А какая я вам Кузя?! Я Ульяна…

– Сравнила жопу с пальцем.

– Судя по всему, я палец, а вы… Вы невоспитанная жопа! – выпалила она и отошла подальше.

– А ну-ка иди сюда, конопатенькая! Ты на меня работаешь, в курсе? Я и за меньшее увольнял…

– Хорошо, что вы вспомнили о работе. Я как раз пришла вам кое в чем признаться.

– Давай оставим признания о влюбленности? Я не признаю романтической чуши… Меня интересует только физическое проявление влечения между противоположными полами.

– Постойте! У меня от вас голова заболела! С чего вы решили, что я в вас влюблена?

Оу…

– Не влюблена? – спросил недоверчиво.

Она замолчала и посмотрела мне в глаза, потом внимательно обвела меня изучающим взглядом сверху-вниз и обратно, призадумалась, словно прислушивалась к себе.

– Нет, ничего такого, – заявила она.

– Ну и хорошо! – выдохнул с облегчением.

Но облегчение было какое-то неполное, словно деланное! Неужели я расстроился, что она в меня не влюблена? Да тьфу, мысль дурацкая.

– Не влюблена. Отлично. Так в чем признаться хотела? В использовании служебных полномочий? Отлучалась с рабочего места часто или как? Впрочем, что бы это ни было, я тебе вот что скажу. То, что между нами случилось… Секс… Я ни о чем не жалею. Мне было с тобой приятно, от предложений продолжить такой формат встреч в дальнейшем, я не отказываюсь. Как выяснилось, есть причина у внезапно вспыхнувшего влечения.

Она ахнула и прижала ладони ко рту.

– То есть вы уже знаете? И… Совсем-совсем не сердитесь?

– Не сержусь?! Да блять я в бешенстве, в самой крайней стадии! Меня стравил мой же коллега! Размажу так, что мокрого места не останется! Карьеру уничтожу, репутацию сгною, по миру пущу с голой жопой! – распалился я.

Ульяна побледнела, пошатнулась на месте и рухнула в кресло, сложив руки на коленях. Я загляделся на ее тонкие, узкие пальчики, скользнул ниже взглядом на колени. Прав был Балановский: колени у нее были замечательные, а какие точеные, высокие икры… Ммм, тонкие щиколотки! Загляденье! В этом платье нежно-зеленого цвета конопатенькая смотрелась чудо как хорошо, свежо, напоминала само лето

– сочное и яркое, от нее тянуло солнцем и чистотой, какая бывает лишь летним утром.

– Постойте, Андрей Викторович, это была простая случайность!

– Случайность? Как бы не так! Величко мне просто отомстил, ну ничего… Я тоже ему отвечу.

– Величко? – уточнила Ульяна и свела задумчиво бровки к переносице.

– Величко, – кивнул я. – Коллега мой, еще один хирург. Запиши себе, кстати, что он в моем черном списке. Входящие звонки от этого гнидобуса я не принимаю. На его письма отвечай холодным, но достаточно вежливым обращением пройти на три русские буквы. Все понятно?

– А с чего вы решили, что это был Величко?

– У меня есть доказательства. Неопровержимые! Я застукал его на месте. Он меня опоил, он за это и ответит!

– Но как же… Вдруг это другое?

– Нет, Ку… – едва снова не назвал ее Кузей. – Ульяна. Это так. У Величко были все причины отомстить мне за шутку в его сторону. К тому же он получил место ведущего хирурга за счет того, что с этой должности выпнули меня. Зуб даю, он вообще метит на место директора, а оттуда прямиком в министерство!

– Андрей Викторович!

– Ульяна, – просмаковал ее имя. – Директор больницы сказал, ты меня сутки здесь ждала?

– Да.

– Выбрось из головы фантазии о влюбленности! – еще раз сказал строго.

Хотел выглядеть строгим боссом, понимал, что медициной я теперь смогу заниматься не скоро, превращусь в протирателя кожаного кресла, максимум, помогу советом, но руками лезть ни-ни! Запрет есть запрет!

Но глядя на Ульяну, мне хотелось улыбаться, а еще хотелось продолжать смотреть на ее конопатое личико и тонкую шейку, где быстро-быстро билась венка.

Переживала? Волновалась? Думаю, что она в меня влюблена… Жаль ее разочаровывать, но не создан я для семейных отношений: блядство у меня в крови. Все мужчины Платоновы, мягко говоря, любвеобильные!

– Я не влюблена в вас. Ни капельки, слава богу!

Ульяна даже перекрестилась, как будто перед ней плясал чумной бес или черт.

– Но сутки просидела в стенах больницы. Чего ты ждала?

– Ничего. Просто переживала за ваше здоровье. Такое напряжение – колоссальное, а у вас – возраст! – ответила просто. – Я еще уточнить кое-что хотела по работе. Я созвонилась с Витой Сергеевной, чтобы принять дела, войти в курс всего, но она отказалась со мной разговаривать. Ждет отмашки от вас! – добавил Ульяна, поджав губы.

– Я с ней поговорю. Этот вопрос решен.

– Поправляйтесь, Андрей Викторович!

Ульяна быстро забросила сумочку на плечо и вскочила, заспешив на выход. Я залюбовался ее ножками снова, просмаковав мысль о том, как приятно будет с ней предаться сладкому разврату. Неопытная же, а я ее трахаться так научу… За уши от секса не оттянешь!

– Меня скоро выпишут. Увидимся на работе.

– Хорошо, – улыбнулась.

– Увидимся на работе. Главное, ты в меня не влюбляйся, идет? А с сексом у нас проблем не возникнет!

– Не возникнет, конечно! – кивнула согласно. – Нет секса – нет проблем! – заявила Ульяна.

Она снова покраснела, задрожав, словно даже простое слово «секс» ее будоражило, и быстро выскользнула за дверь.

Хлопок двери. Я остался в палате один.

Что значит, «нет секса – нет проблем»?

Да ну нах, послышалось, наверное!

– Кузя!

Глава 11

Ульяна

Едва я вышла из больницы, сразу же перезвонила Шатохиной Ленке. Подруга за меня сильно переживала, даже поесть в больницу приносила, когда узнала, что я собираюсь ждать пробуждения Платонова столько, сколько потребуется.

– Привет, Лен! Платонов очнулся! – выдыхаю с громадным облегчением.

Радость тотальная, меня буквально подняло над землей, даже закружило. Не пережила бы я, если бы с Платоновым произошло нечто дурное. Если бы умер… По моей вине! Из-за глупости! Не вынесла бы такого греха на душе. Но он очнулся, а еще сам директор клиники меня заверил, что Платонов встанет на ноги без последствий для организма. Ни кома, ни паралич Платонову не страшны. Я так обрадовалась, благодарила его без конца. Директор клиники, где Платонов работал хирургом, разглядывал меня пристально, с интересом. Да и бог с ним, главное, Платонов жив, здоров и…

И без работы остался!

Разумеется, есть еще и частная клиника. Но почему-то я

уловила нотки тоски под бурным матерным возмущением Платонова, когда он говорил, что появится в частной клинике, как директор. Раньше он появлялся нечасто, только когда надо было подписать кипу бумаг или ради внезапной проверки работы коллектива. То есть не больше нескольких дней он бывал в клинике, а что будет сейчас? Станет появляться чаще? Почему-то сердце забилось ускоренно…

– Улечка, поздравляю! – завопила Ленка. – Поздравляю! Вот видишь, как хорошо! А ты переживала, ногти грызла от волнения.

– Ногти я не грызла, но была близка к этому! – выдохнула я. – Платонов встанет на ноги без всяких последствий для организма.

– Вообще прекрасно! Это надо отметить! – сразу заявила Шатохина.

– Погоди отмечать, – остудила пыл подруги. – Есть нюансы.

– Какие?

– Во-первых, Платонов работы лишился. Во-вторых, он подумал не на меня, а на другого человека. Собрался ему мстить. Вдруг хороший человек ни за что пострадает? Нехорошо получается!

– Так… Почему мне это не нравится?

– Потому что так быть не должно! Я хотела во всем признаться, клянусь, что хотела, а он меня опередил, начал про влюбленность спрашивать…

– Работает зелье! – восторженно пискнула Ленка.

– Что?

– Ты же сама говорила, он потаскун, бабник, циник… И вдруг про любовь спросил! Точно работает! Знаешь, я уже засомневалась, что та бабка что-то умеет, после твоих рассказов. Но теперь, ой, мамочки… Я к ней сама пойду! Мне венец безбрачия снять нужно!

– Какой венец, Ленка? Не смей к этой шарлатанке ходить! Не помнишь, как мне плохо было? Даже если взять в расчет, что Платонова мог стравить тот якобы завистливый коллега, мне все равно было плохо. Полоскало сильно, я едва все внутренности не выблевала, сутки спала на коврике.

– Все равно работает! – упрямо заявила Ленка.

– Не работает оно. Не люблю я Платонова!

– Зато он, кажется, в тебя втюхался?

– Нет же, дурочка! Не втюхался он в меня! Снова про секс заговорил, и только.

– Вот! – торжествующе подчеркнула Ленка. – Про секс заговорил! Едва выкарабкался, а секса с тобой хочет. Значит, все работает. У мужчин путь к сердцу лежит через…

– Через желудок!

– Но сначала проходит через член!

– Нет такой поговорки!

– Это житейская мудрость. Сначала эта тернистая дорожка через член проходит, потом через желудок пролегает прямиком к сердцу. И все, бери его тепленьким… Он твой наве-

ки! А ну-ка… Испеки ему свой фирменный пирог с пьяной вишней! – предложила Шатохина.

– Не буду! – объявила с яростью, которой от себя не ожидала.

– Почему не будешь? – удивилась подруга. – Кольке пекла. Он его съедал.

– Или собакам помойным скармливал, я уже ни в чем не уверена, Лена.

– С родителями не поговорила?

– Мельком, Лен. Они меня поздравили, ждут в гости с Колей. Были такие счастливые, немного грустили, вспоминали Дениса. У меня язык не повернулся задавать им вопросы с подвохом!

– Но выяснить надо.

– Надо, Лена. Именно это я и собираюсь сделать. Выяснить все для себя, понять кое-что. Потом буду думать, как решу!

– Ты как бабуська разумная.

– Я стараюсь. Больше никаких спонтанных поступков. Ни к чему хорошему они не приводят. Поспешишь – людей насмешишь, а в моем случае – еще и навредишь.

– Пирог все же испеки! – шепнула Ленка.

– Нет. Нет. Нет. Никаких пирогов.

– Ну почему? Он у тебя такой крутой получается, я бы сама его слопала! Весь подъезд слюнями заливался, когда ты Коленьке своему пироги пекла. Платонов точно оценит, го-

ворю тебе.

– Нет, Лена. Платонов меня Кузей из мультика обзывает. Я сначала не поняла, о ком он говорит, но пока в больнице ждала, тот мультик посмотрела, – добавила с обидой и слезами в голосе. – Там какой-то маленький, зачуханный неряха бегает, с хриплым голосом! Страшный, чумазый! Знаю, что не красавица, но все же я не такая, – добавила, шмыгнув носом. – Если он меня такой видит, то никаких ему пирогов! Ни за что!

– Так может быть, он не со зла? – предположила Лена. – В шутку?

– Знаешь, это, наверное, самое страшное. Сотворить ужасное не со зла, разбить сердце и, даже не поняв, как сильно навредил, пойти по жизни дальше, смеясь.

– Ой, что-то ты приуныла совсем, а такая радостная была, когда позвонила! – вздохнула Ленка. – Как мне тебе настроение поднять?

– Ничего не надо. Я сейчас в квартиру еду, а ты, когда будешь?

– Сегодня вечером. Смена закончится, я сразу к тебе. Придумаем что-нибудь! Не хочешь Колю? Не надо. Не нужен Платонов? Мы тебе другого найдем… И даже без зелья!

– Лена, не надо! Лена, даже не вздумай! – пригрозила я.

Но подруга уже отключилась.

Как бы она не начала меня сватать за всех подряд и подсовывать знакомства разные. Ничего из этого мне не надо!

* * *

Андрей

– Как там операция Москвина?

Ни здрасьте, не до свидания. Я позвонил Величко исключительно по рабочему вопросу.

– Платонов? – раздалось удивленное в ответ. – Ты очнулся, что ли? – поинтересовался Величко Георгий Александрович, он же Гога, он же Рабинович. Он же просто… Впрочем, скажу, как есть – пидарас!

Но скажу только мысленно, потому что вслух объявлять о своих подозрениях рано. Иначе Величко наказать не удастся.

Ни наказать, ни отомстить? Нет, никуда не годится.

Поэтому я изо всех сил сдерживался, дышал размеренно, спокойно, призывал на помощь всю свою выдержку, чтобы не разразиться матом и потоком обвинений в сторону того, кто меня люто подставил.

Еще и взобрался на мое место, гаденыш! А я же его растил, делился знаниями, скармливал желторотику медицинскому с чайной ложечки крупицы бесценного опыта. Человека из него сделал, превратил обрубка, едва выпущенного из меда, во врача… И что в итоге? Мне прилетела жестокая

ответка в виде черной благодарности.

Кровь снова вскипела, перед глазами поплыли алые круги от ярости.

– Платонов, – бросил небрежно. – Он самый. Так что с Москвиным? Мне сказали, что ты операцию ему проводил.

– Москвин в полном порядке. Показатели в норме. Операция успешная, его перевели в реанимационное, чтобы наблюдать за состоянием после операции. По истечении нескольких часов отправлю в обычную палату, – отчитался ровно, но потом словно вспомнил, что теперь он там главный и начал хорохориться. – Нормально все у твоего приятеля! Сам-то ты как? Говорят, анализы у тебя… кхм… странные?

– Анализы странные? Ничего особенного! В отпуск решил пойти.

– Ааа… Ну да, ну да. Отпуск – дело хорошее. Насколько? – новый вопрос.

Вот же гнида! Как будто не знает, что отпуск у меня бессрочный. Я в миг представил его рожу, полную ехидства, словно воочию увидел гаденькую улыбку, прячущуюся в уголках тонких бледных губ.

От злости я шмякнул кулаком по простыне, заскрипел зубами.

Хорошо, что я не в отделении. Я бы гада самым тупым скальпелем на кусочки покромсал, нарезал из его туши заготовку на манты с рубленым мясом, которые он так обожает!

– Не знаю еще, насколько. Дед ко мне прилетел, дела есть.

Частная клиника требует больше внимания. Сам-то справишься? Скорее всего, не смогу консультировать, дела!

– Отдыхай. Отделение в надежных руках!

В каких?!

В надежных?!

В чумных и пидарастических руках мое отделение!

Такой гнилой человек, как Величко, быстро разовьет в отделении и кумовство, и взяточничество, и подхалимство! Гнида… Гнида, развалит всю травматологию, а она в центральной клинике моими стараниями была замечательной.

– Желаю успехов. Москвина скоро навещу!

– Навестишь? А… Кхм… О… Ты же лежишь?

– Пять минут назад лежал, сейчас встал. Ерунда, говорю же! Ну, бывай, Рабинович. Звони, если что.

Звони и попадай на вежливое: «Пройдите на хуй, там вас заждались!» – добавил мысленно, спуская пар.

Пролежав полдня, я понял, что лежать больше не могу! Потребовал выписать меня из отделения.

Под расписку, разумеется.

Побухтели, попытались отговорить для приличия, но я настоял на своем, засобирался.

Что я, капельницу себе дома не поставлю, что ли?

Величко уничтожил мою репутацию, но ему не под силу уничтожить мой опыт.

Гад, бля… Гад!

Я был готов покинуть клинику, сел отдышаться, пото-

му что временами накатывала сильнейшая слабость. Так понемногу и выбрался. Передвигался с паузами, разглядывал пейзажи из окна: красивые, жесть! Внутренний двор, забор, парковка, машины скорой…

Так понемногу добрался до холла и заметил, как степенно и важно вышагивал мой дед.

Дедом я гордился и уважал его неимоверно. Восемьдесят три года мужчине, а спина до сих пор ровная, одет в хороший костюм, выглажен идеально, прическа – волосок к волоску! Дед к преклонным летам сохранил свои зубы, волосы, ровную осанку, твердую руку и острый ум. Словом, образец для подражания!

Увидев его, мне стало совестно передвигаться со скоростью вялой мухи, пребывающей под парами дихлофоса, поэтому я придал себе более веселый вид и заставил идти, как обычно, резким, твердым шагом.

– Михаил Семенович! – позвал его. – Какими судьбами?

Дед перевел на меня взгляд, удивился – видно по глазам, но внешне виду не подал, приобнял меня, поцеловал в обе щеки:

– Хотел тебя проведать.

– Уже выписался.

– Что, дома решил под капельницей пролежать?

– Решил, – не стал лукавить.

– Поехали, меня ждет такси, – предложил дед и пошел рядом. – Не гони только, жеребец. Я хочу неспешно прогу-

ляться!

Думаю, приврал дед! Не хотел он гулять медленно, но явно он не хотел давать мне повод злиться из-за снисхождения и жалости. Поэтому я не стал его одергивать. Не стал одергивать еще и потому, что чувствовал за собой вину.

Неторопливы шагом мы вышли из здания больницы, прогулялись до парковки. Оказавшись вдали от лишних ушей, я задал вопрос:

– Родители в курсе?

– Скандал! Возможно, в курсе, – дед поджал губы. – Но не от меня, – добавил.

– И на том спасибо. Значит, ждать нотации.

– А что ты хотел? – спросил ехидно. – По всему министерству слухи расползлись быстро!

– Дед, я…

– Дома поговорим! – отрезал и показал рукой на припаркованный Мерс с желтой шашечкой. – Мое такси.

Сев в машину на заднее сиденье, я еще раз испытал совестливый укол в болезненное место. Заныло где-то внутри… Я хотел объясниться, но дед снова посмотрел на меня с молчаливым укором, и слова остались несказанными.

Дома поговорим.

Что ж, поговорим!

Говорить дед начал, едва мы переступили порог квартиры.

Первые слова, что он сказал, были:

– Андрей, ты меня разочаровал!

Всего четыре слова, но какие! Они меня морально размазали, как манную кашу по тарелке. Раньше всегда звучало другое: «Андрей, я тобой горжусь!»

Но только не сегодня!

Потому, едва добравшись до квартиры, я рухнул на диванчик в коридоре, даже не смог до любимого зала добраться. Просто рухнул без сил.

– Дед, я все объясню!

Дед разулся, аккуратно поставил свои остроносые туфли на нижнюю полку, снял пиджак, повесил его на плечики, отправил в гардеробный шкаф и только потом посмотрел на меня.

– Объясни, пожалуйста.

– Я…

– Постой! – сердито нахмурил густые белые брови. – Я еще не договорил! Я все понимаю: работа напряженная, изматывающая. Ты тянешь не одно место, а два, помогаешь консультациями, участвуешь всюду. Напряжение колоссальное, иногда можно и даже нужно отдохнуть! – воздел кверху палец. – Расслабиться просто необходимо! Можно и пропустить рюмочку. Две-три-пять… Можно и выкурить хорошую дурь, – кхекнул. – Кто не любит хохотушку донну Марию в обществе ее верного любовника Хуана!

– Дед, я…

– Я все понимаю! – сердито посмотрел на меня. – Ко-

гда оно природное, натуральное! Но жрать дурь синтетическую… Ладно! Новый век, другое поколение. Даже это с натяжкой принять могу, но, Андрей!

Дед достал из кармана брюк лист бумаги, расправил его и потряс в воздухе.

– Но это… Возбудитель какой-то?! Ты позоришь Платоновых! – скомкал бумажку и швырнул в меня. – Позор! Позор… Сапожник без сапог. Есть проблема? Нужно ее лечить, а не маскировать сомнительными средствами! Чтобы завтра же сдал спермограмму! – потребовал он.

У меня челюсть на пол упала.

Глава 12

Андрей

Я обалдел, пытался собрать себя, соскрести с пуфа. Дед тем временем прошел через весь коридор, свернул в гостиную и уселся в кресло.

– А теперь налей мне коньяк, у меня давление из-за тебя поднялось! – потребовал он. – И принеси мой любимый портсигар. Надеюсь, хотя бы мой портсигар ты не прохерил, как мой любимый Мерседес? – добавил ехидно уже из глубины комнаты.

Пришлось идти в бар, доставать коньяк, протирать бокалы. Портсигар я тоже достал. Дед натолкал в него своих любимых вонючих сигарет, раскрыл, положил на стол. Я знал, что он давно уже не курит, но у него осталась привычка пить коньяк и крутить сигарету, постукивая ею по другим.

– Какая еще спермограмма, дед? – спросил.

– Такая! – сказал, как отрезал. – Я внуков от тебя жду. Кажется, зря. Если ты перед встречей с дамой разгоняешь себя возбудителями низкопробными. Хочу точно знать, что творится у тебя с мужским здоровьем.

– Все не так! Меня наркотой опоили, коллега подставил

завистливый, чтобы с места выпереть! Я здоров! Спермограмму сдавать не стану, у меня с девушками все отлично.

– Если все отлично, то покажи мне ту самую избранницу, которая осчастливит меня правнуками.

– Еще слишком рано!

– Рано? То есть ты ей не вдул?

После этого выражения я совершенно потерял дар речи, кажется, даже покраснел, как скромная тургеневская барышня при слове из четырех букв на букву «ч».

– Вдул? Что ты такое говоришь? – прохрипел я сквозь силу.

Дед задумался, достал из нагрудного кармана рубашки небольшой блокнот, полистал его, забубнил себе под нос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.